

Сладость на корочке пирога

Автор:

Алан Брэдли

Сладость на корочке пирога

Алан Брэдли

Тайны Букшоу #1

В старинном английском поместье Букшоу обитают последние представители аристократического рода – эксцентричный полковник де Люс и три его дочери. Летом 1950 года тягучее болото сельской жизни нарушают невероятные события: убийство незнакомца и арест полковника. Пока старшие дочери, как положено хорошо воспитанным английским леди, рыдают в платочки, младшая, одиннадцатилетняя Флавия, в восторге: наконец-то в ее жизни что-то произошло! Аналитический склад ума, страсть к химии и особенно к ядам помогут ей разобраться в этом головоломном деле, на котором сломали зубы местные полицейские.

Флавия приступает к поискам, которые приведут ее ни больше ни меньше, как к королю Англии собственной персоной. В одном она уверена: отец невиновен – наоборот, он защищает своих дочерей от чего-то ужасного...

Алан Брэдли

Сладость на корочке пирога

Посвящается Ширли

Unless some sweetness at the bottom lie,

Who cares for all the crinkling of the pie?

William King, The Art of Cookery[1 - «Если на корочке торта сладость, кого волнует сердцевина?» Уильям Кинг, «Искусство кулинарии». (англ.)]

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Права на издание данной книги приобретено при участии Литературного агентства «Гумен и Смирнова» (www.gs-agency.com)

© 2009 Alan Bradley

Originally published in UK by Orion Books, London

© ООО «Издательство Астрель»

1

В чулане было темно, хоть глаз выколи. Они втолкнули меня внутрь и заперли дверь. Я тяжело дышала, отчаянно пытаюсь успокоиться. Считала до десяти на каждом вдохе и до восьми, медленно выдыхая во мрак. К счастью, они не настолько глубоко засунули кляп мне в рот, чтобы я не могла дышать, и я раз за разом втягивала в себя застоявшийся, пахнущий плесенью воздух.

Я попыталась подцепить ногтями шелковый шарф, которым мне связали руки за спиной, но, поскольку все время обгрызала их до мяса, у меня ничего не получилось. Мне здорово повезло, что я сообразила сжать кончики пальцев, сделав арку, чтобы пошире расставить ладони, когда они затягивали узлы.

Сейчас я повертела запястьями, сильно прижимая их друг к другу, пока не ощутила легкий зазор, большими пальцами стянула шелк, чтобы узлы оказались между ладонями, а потом между пальцами. Если бы у них хватило ума связать мне большие пальцы, у меня не было бы шансов. Что за идиотки!

Наконец освободив руки, я быстро управилась с кляпом.

Теперь дверь. Но сначала, дабы убедиться, что они не притаились за ней в ожидании, я присела на корточки и изучила в замочную скважину чердак. Слава небесам, что они унесли ключ с собой. Никого не было видно в поле зрения: за исключением путаницы колеблющихся теней, рухляди, старинных безделушек, длинный чердак был пуст. Путь был свободен.

Ощупав заднюю стену чердака над головой, я отвинтила проволочный крюк от вешалки для одежды. Уперев загнутый конец крюка в замочную скважину и надавив на другой конец, я смогла изогнуть его буквой «Г»; воткнула импровизированный крюк внутрь старого замка. Немного ловкости и умения – и послышался заветный щелчок. Это оказалось даже слишком легко. Дверь распахнулась, и я очутилась на свободе.

Я скатилась по широкой каменной лестнице в холл, на миг задержавшись перед дверью в столовую, чтобы отбросить косички за спину, на их привычное место.

Отец хотел, чтобы обед сервировали ровно в час на массивном дубовом длинном узком обеденном столе, точно так, как это было при жизни мамы.

– Офелия и Дафна еще не спустились, Флавия? – раздраженно поинтересовался он, подняв взгляд от последнего выпуска «Британского филателиста», лежащего рядом с мясом и картофелем.

– Я их давно не видела, – ответила я.

Это правда. Я их давно не видела – с тех пор, как они сунули мне кляп в рот и завязали глаза, потом, беспомощную, втащили по лестнице на чердак и заперли в чулане.

Отец смотрел на меня поверх очков обязательные четыре секунды, прежде чем вернуться к поглощению пищи.

Я одарила его широкой улыбкой – достаточно широкой, чтобы предоставить ему хороший вид на брекеты, сдавливающие зубы. Хотя они делали меня похожей на дирижабль без оболочки, отец любил, когда ему напоминали, что он не зря потратил деньги. Но на этот раз он был слишком занят, чтобы заметить это.

Я сняла крышку со спондусовского[2 - «Спонд» – марка английского фарфора, по имени основателя фирмы Дж. Спонда.] блюда с овощами, вручную разрисованного бабочками и ягодами малины, и положила себе щедрую порцию горошка. Пользуясь ножом вместо линейки и вилок вместо шила, я расставила горошины на тарелке аккуратными рядами и колоннами: шеренга за шеренгой зеленых шариков, расположенных с точностью, восхитившей бы самого придирчивого швейцарского часовщика. Затем, начав с нижнего левого угла, я подцепила вилок первую горошину и съела ее.

Это вина Офелии, и только ее. В конце концов, ей семнадцать лет, поэтому предполагается, что она обладает хотя бы толикой зрелости, которая должна быть присуща взрослому человеку. То, что она объединилась с тринадцатилетней Дафной, просто несправедливо. На двоих им целых тридцать лет! Тридцать лет – против моих одиннадцати. Это не только неспортивно, это ужасно мерзко. И я обязана отомстить.

Следующим утром я возилась с колбами и сосудами в своей химической лаборатории на верхнем этаже восточного крыла дома, когда ворвалась Офелия, не отягощая себя хорошими манерами.

– Где мое жемчужное ожерелье?

Я пожала плечами.

– Я не стерегу твои безделушки.

– Я знаю, что ты его взяла. Мятные конфетки, лежавшие в ящике для белья, тоже исчезли, и я не раз замечала, что пропадающие в этом доме конфетки

оказываются в одном и том же грязном ротике.

Я отрегулировала огонь спиртовки, подогревающей мензурку с красной жидкостью.

– Если ты намекаешь, что моя личная гигиена не соответствует твоим высоким стандартам, пойди и оближи мои галоши.

– Флавия!

– Так и сделай. Мне надоело, что меня постоянно винят во всем, Фели.

Но мое праведное негодование скисло, когда Офелия близоруко уставилась на рубиновую мензурку, начавшую закипать.

– Что это за липкая масса на дне? – Ее длинный наманикюренный палец постучал по стеклу.

– Эксперимент. Осторожно, Фели, это кислота.

Лицо Офелии побелело.

– Это же мой жемчуг! Это же мамино ожерелье!

Офелия – единственная из дочерей Харриет, называвшая ее мамой: единственная из нас достаточно взрослая, чтобы сохранить воспоминания о выносившей нас женщине из плоти и крови; Офелия никогда не позволяла нам забывать об этом. Харриет погибла, совершая восхождение в горы, когда мне был всего год, и в Букшоу о ней редко говорили.

Ревновала ли я к воспоминаниям Офелии? Возмущалась ли я? Не уверена, что все было так просто, в действительности все было намного сложнее. Некоторым странным образом я относилась к воспоминаниям Офелии о нашей матери с презрением.

Я медленно подняла голову от своей работы, так чтобы круглые стекла очков сверкнули белым светом. Я знала, когда я так делаю, Офелия с ужасом думает,

что попала в общество безумного немецкого ученого из черно-белого фильма в «Гомонте»[3 - «Гомонт» – сеть английских кинотеатров.].

– Дрянь!

– Ведьма! – парировала я, подождав, пока Офелия развернется на каблуках – довольно аккуратно, заметила я, – и вылетит за дверь.

Возмездие не заставило себя долго ждать, так было всегда, когда я имела дело с Офелией. В отличие от меня Офелия не была склонна к длительному планированию и не знала, что месть лучше подавать холодной.

После обеда, когда отец спокойно вернулся в кабинет чахнуть над коллекцией марок, Офелия слишком спокойно отложила серебряный нож для масла, в котором последние пятнадцать минут разглядывала себя с любопытством попугайчика. Без предисловий она заявила:

– Ты знаешь, на самом деле я тебе не сестра... И Дафна тоже. Вот почему мы совсем на тебя не похожи. Не думаю, что тебе когда-нибудь приходило в голову, что тебя удочерили.

Я со стуком уронила ложку.

– Это неправда. Я вылитая Харриет. Все так говорят.

– Она взяла тебя в приюте для детей, рожденных незамужними женщинами, именно из-за этого сходства, – с противным видом заявила Офелия.

– Какое могло быть сходство между взрослой женщиной и ребенком? – Я не лезла за словом в карман.

– Ты ей напомнила ее детские фотографии. Боже мой, она даже принесла их с собой, чтобы сравнить.

Я воззвала к Дафне, уткнувшейся в кожаный переплет «Замка Отранто».

– Это ведь неправда, Даффи?

– Боюсь, что правда, – ответила Дафна, лениво переворачивая страницу из тонкой гладкой бумаги. – Отец всегда говорил, что это будет шоком для тебя. Он заставил нас пообещать, что мы тебе никогда не скажем. По крайней мере до тех пор, пока тебе не исполнится одиннадцать. Мы дали ему клятву.

– Зеленый кожаный саквояж, – продолжала Офелия. – Я видела его своими глазами. Я видела, как мамочка кладет в него свои детские фотографии, чтобы отнести в приют. Хотя тогда мне было только шесть лет – почти семь, – я никогда не забуду ее белые пальцы... пальцы на медных застёжках.

Я выскочила из-за стола и в слезах выбежала из комнаты. На самом деле я не думала о яде, по крайней мере до следующего утра.

Как все гениальное, это оказалось просто.

Букшоу был домом для нашей семьи, семьи де Люсов, с незапамятных времен. Теперешний дом в георгианском стиле построили вместо елизаветинского, сожженного дотла крестьянами, заподозрившими де Люсов в симпатии к оранжистам. Тот факт, что мы в течение четырех столетий были ярыми католиками и оставались таковыми до сих пор, ничего не значил для возмущенных обитателей Бишоп-Лейси. «Старый дом», как его называли, разрушили, а новому, построенному на его месте, исполнилось уже почти триста лет.

Затем наши предки, Энтони и Уильям де Люсы, не поладили по поводу Крымской войны и испортили первоначальный замысел. Каждый пристроил к дому по крылу, Уильям – восточное, а Энтони – западное.

Каждый стал затворником в своих владениях и запретил другому пересекать черную линию, разделившую усадьбу напополам от вестибюля через фойе и до уборной дворецкого за черной лестницей. Их две пристройки из желтого кирпича в викторианском стиле обрамляли дом, словно связанные крылья кладбищенского ангела, что, с моей точки зрения, придавало большим окнам и ставням георгианского фасада Букшоу чинный и удивленный вид старой девы со слишком туго уложенным пучком волос.

Следующий де Люс, Тарквин, или Тар, как его называли, в результате неслыханного нервного срыва погубил на корню то, что обещало стать блестящей карьерой химика, и был исключен из Оксфорда тем летом, когда королева Виктория праздновала серебряный юбилей.

Снисходительный отец Тара, заботясь о слабом здоровье наследника, не пожалел средств и оборудовал лабораторию на верхнем этаже восточного крыла Букшоу; здесь были немецкое стекло, немецкие микроскопы, немецкий спектроскоп, медные химические весы из Люцерна и сложной формы гейслерова труба ручной работы, к которой Тар мог присоединить электрические провода, чтобы изучать флуоресценцию различных газов.

На столе около окна установили микроскоп Лейтца, медный корпус которого до сих пор сиял первозданным теплым блеском, как в тот день, когда его привезли на тележке, запряженной пони, в Букшоу. Его отражающее зеркало можно было повернуть под таким углом, чтобы поймать первые бледные лучи утреннего солнца, в то время как для пасмурных дней и для использования в темное время суток он был оборудован парафиновой лампой лондонской фирмы Дэвидсона и Ко.

Здесь имелся даже человеческий скелет на подставке на колесах, подаренный двенадцатилетнему Тару великим натуралистом Фрэнком Бакландом, чей отец съел мумифицированное сердце короля Людовика XIV.

Три стены лаборатории от пола до потолка занимали шкафы со стеклянными дверцами, два шкафа были заставлены рядами химикатов в стеклянных аптекарских мензурках с наклеенными этикетками, подписанными аккуратным каллиграфическим почерком Тара де Люса, который, в конце концов, перехитрил судьбу и пережил всех. Он умер в 1928 году в возрасте шестидесяти лет посреди своего химического королевства, где на следующий день его обнаружила домоправительница. Один его мертвый глаз продолжал слепо разглядывать что-то в своем любимом Лейтце. Ходили слухи, что он занимался разложением первого порядка динитрогена пентоксида. Если это правда, значит, это первое письменно зафиксированное исследование реакции, которая впоследствии привела к изобретению атомной бомбы.

В течение долгих пыльных лет лаборатория дяди Тара была заперта и пребывала в душной тишине, пока не начало проявляться то, что отец именовал моими «странными склонностями», и я не предъявила на нее права.

Я до сих пор трепещу от счастья, вспоминая дождливый августовский день, когда Химия вошла в мою жизнь.

Я покоряла вершины книжных шкафов, воображая себя знаменитой альпинисткой, когда моя нога соскользнула и на пол упала тяжелая книга. Подняв ее, чтобы расправить смявшиеся страницы, я увидела, что в ней не только слова, но и дюжины рисунков. На некоторых из них лишенные тела руки наливали жидкости в любопытной формы стеклянные сосуды, выглядевшие словно музыкальные инструменты из другого мира.

Книга называлась «Основы химии», и через несколько минут я узнала, что слово «йод» происходит от слова, обозначающего лиловый, и что слово «бром» образовано от греческого слова, означающего зловоние. Это были именно те вещи, которые мне следовало знать! Я сунула толстый красный том под свитер и унесла его наверх и лишь намного позже заметила, что на форзаце написано имя – Х. де Люс. Книга принадлежала Харриет.

Вскоре я обнаружила, что провожу за книгой каждую свободную минуту. Бывали вечера, когда я не могла дождаться времени лечь спать. Книга Харриет стала моим тайным другом.

Здесь были описаны все щелочные металлы: металлы со сказочными названиями вроде лития и рубидия; щелочноземельные – стронций, барий и радий. Я громко ликовала, прочитав, что радий открыла женщина – мадам Кюри.

Потом были отравляющие газы – фосфин, арсин (один пузырек которого, как известно, был смертелен), пероксид азота, сероводородная кислота... Конца и края этому не было. Когда я обнаружила, что в книге описаны химические формулы этих веществ, я была на седьмом небе от счастья.

Как только я научилась разбираться в химических уравнениях типа $K_4FeC_6N_6 + 2 K = 6 KCN + Fe$ (описывающего, что происходит, когда желтую кровяную соль нагревают с углекислым калием для получения цианистого калия), передо мной открылся новый мир: я словно наткнулась на книгу рецептов, некогда принадлежавшую лесной ведьме.

Больше всего меня волновало вот что: каким образом все на свете – абсолютно все! – удерживается воедино невидимыми химическими узами, и я находила странное, невыразимое утешение в том, что где-то, пусть мы этого не видим в нашем мире, есть подлинная стабильность.

Сначала я не связала между собой книгу и заброшенную лабораторию, которую обнаружила еще ребенком. Но когда это произошло, моя жизнь обрела смысл.

Тут, в лаборатории дяди Тара, полка за полкой стояли книги по химии, которые он заботливо собирал, и вскоре я обнаружила, что с приложением некоторых усилий большинство из них находятся в пределах моего понимания.

Затем начались простые эксперименты, и я пыталась соблюдать инструкции вплоть до последней буквы. Не скажу, что обошлось без взрывов и плохих запахов, но лучше об этом не упоминать.

С течением времени мои записные книжки делались все толще. Мои труды обрели бо?льшую утонченность, когда мне открылись тайны органической химии, и я бурно радовалась новооткрытым сведениям о том, что так легко можно получить из природы.

Особенной моей страстью были яды.

Я расчищала себе путь среди растений бамбуковой тростью, открученной от зонтика, стоявшего в холле. Здесь, в огороде, высокие стены из красного кирпича еще не впитали солнечное тепло; все было пропитано шедшим ночью дождем.

Пробираясь сквозь остатки прошлогодней нескошенной травы, я брела вдоль стены до тех пор, пока не нашла то, что искала, – лужайку с яркими листьями, алый блеск которых позволял легко обнаружить их трилистные пучки среди прочих растений. Нацепив хлопчатобумажные перчатки, которые я предусмотрительно заткнула за пояс, и насвистывая в вольной интерпретации «Биббиди-боббиди-бу»[4 - Песенка Золушки из диснеевского мультфильма.], я приступила к работе.

Позже, в безопасности моего sancta sanctorum – святая святых, – я наткнулась на эту замечательную фразу в биографии Томаса Джефферсона и присвоила ее, – не снимая перчаток, я сложила листья в стеклянную реторту и утрамбовала. Далее пришел черед моего любимого занятия.

Закупорив реторту, я прикрепил ее с одной стороны к сосуду с кипящей водой, а с другой – к стеклянному змеевику-конденсатору, открытый конец которого находился над пустой мензуркой. Вода бурлила, и я следила, как пар проникает через трубку в реторту с листьями. Они уже начали съеживаться и вянуть, по мере того как горячий пар открывал их крошечные поры, экстрактируя масла.

Именно так древние алхимики практиковали свое искусство: огонь и вода, вода и огонь. Дистилляция.

Как я любила это дело!

Дистилляция. Я произнесла это слово вслух:

– Дистилляция!

Я с благоговейным трепетом наблюдала, как пар охлаждался и конденсировался в змеевике, и в восторге заломила руки, когда первая прозрачная капля жидкости повисла на краю змеевика и затем с едва слышным «кап» упала в ожидающий резервуар.

Когда вода выкипела и процесс был доведен до конца, я погасила огонь и оперлась подбородком на ладони, зачарованно наблюдая, как жидкость в мензурке разделилась на два различных слоя: чистая дистиллированная вода на дне и желтоватая жидкость над ней. Это было эфирное масло из листьев. Оно называлось «урушиол» и использовалось, кроме всего прочего, в производстве лака.

Покопавшись в кармане джемпера, я извлекла блестящий золотой тюбик. Открыла колпачок и не удержалась от улыбки при виде красного содержимого. Помада Офелии, похищенная из ящика ее туалетного столика вместе с жемчугами и мятными конфетками. И Фели – мисс Носовой Платок – даже не заметила пропажу.

Вспомнив о мятных конфетках, я сунула одну горошинку в рот и с хрустом раскусила ее.

Сердцевина помады довольно легко извлеклась, и я снова зажгла спиртовку. Чтобы превратить воск в липкую массу, требовалась невысокая температура. Если бы Фели только знала, что помаду делают из рыбьей чешуи, думаю, что она бы менее охотно мазала рот этой штукой. Надо не забыть сказать ей. Я ухмыльнулась. Позже.

С помощью пипетки я добыла капли эфирного масла, плававшего на поверхности воды в мензурке, и капля за каплей начала аккуратно капать его в растаявшую помаду, энергично помешивая смесь деревянным шпателем.

Слишком жидко, подумала я. Сняла с полки банку и добавила чуть-чуть пчелиного воска, чтобы восстановить исходную консистенцию.

Снова настало время для перчаток – и для литейной формы для пуль, которую я стащила из действительно очень приличного оружейного музея в Букшоу.

Забавно, не так ли, что диаметр помады точно соответствует сорок пятому калибру? Полезная информация, на самом деле. Я должна буду обдумать возможности ее использования сегодня вечером, когда устроюсь в кровати. Сейчас я слишком занята.

Извлеченная из формы и охлажденная под проточной водой, восстановленная красная помада аккуратно поместилась на прежнее место в золотой тюбик.

Я вывернула и ввернула ее обратно несколько раз, чтобы убедиться, что все в порядке. Потом я закрыла колпачок. Фели спит долго и будет долго канительиться за завтраком.

– Где моя помада, маленькая дрянь? Что ты с ней сделала?

– Она в трюмо, – ответила я. – Я заметила ее там, когда воровала твой жемчуг.

За свою короткую жизнь, в тисках двух сестер, мне пришлось отточить язычок.

– Ее нет в ящике. Я только что смотрела, ее там не было.

– А ты надела очки? – хмыкнула я.

Хотя отец заставил всех нас обзавестись очками, Фели отказывалась носить свои, а мои стекла мало чем отличались от оконных. Я надевала их либо в лаборатории, чтобы защитить глаза, либо для того, чтобы вызвать жалость.

Фели с грохотом выскочила из-за стола и унеслась из комнаты.

Я вернулась к изучению содержимого второй миски «Уитабикс»[5 - «Уитабикс» – фирменное название пшеничных батончиков из спрессованных хлопьев; подаются к завтраку с молоком и сахаром.].

Позже я занесла в записную книжку следующее:

«Пятница, 2 июня 1950 года, 9:42. Объект выглядит нормально, но раздражителен (хотя разве она не всегда такая?). Эффект может проявиться в промежутке от двенадцати до семидесяти двух часов».

Я могла подождать.

Миссис Мюллет, маленькая, седая и круглая, как жернов, и, я уверена в этом, ощущающая себя персонажем из историй А. А. Милна[6 - А. А. Милн – английский писатель, автор историй о Винни Пухе.], хлопотала на кухне, колдуя над тортом с заварным кремом. Как обычно, она воевала с толстой поварихой Агатой, царившей на маленькой тесной кухне.

– О, мисс Флавия! Заходи, помоги мне с духовкой, дорогая.

Не успела я придумать достойный ответ, как появился отец.

– Флавия, на пару слов. – Его голос был холодным как лед.

Я бросила взгляд на миссис Мюллет, оценить, как она это восприняла. Она всегда убегает при малейшем намеке на неудовольствие и однажды, когда отец повысил голос, завернулась в ковер и отказывалась вылезать, пока не послали за ее мужем.

Она закрыла дверцу духовки так осторожно, будто та была сделана из уотерфордского хрусталя.

– Мне надо отойти, – заявила она. – Ланч греется в печке.

– Благодарю вас, миссис Мюллет, – ответил отец. – Мы справимся. – Мы всегда справлялись.

Она открыла дверь кухни – и внезапно взвизгнула, как загнанный в угол барсук.

– О боже мой! Прошу прощения, полковник де Люс! Боже ж ты мой!

Нам с отцом пришлось немного подвинуть ее, чтобы увидеть, в чем дело.

Это была птица, черный бекас – и она была мертвая. Бекас лежал лапками вверх на крыльце, его жесткие крылья торчали, как у маленького птеродактиля, глаза были покрыты неприятной пленкой, длинная черная игла его клюва указывала прямо вверх. Нечто, наколотое на клюв, шевелилось под утренним ветерком – крошечный клочок бумаги.

Нет, не клочок бумаги, это почтовая марка.

Отец наклонился рассмотреть получше и сдавленно вздохнул. И тут он неожиданно схватился за горло, руки тряслись, как осенние листья, и лицо стало пепельно-серым.

По моей спине, как это говорится, пробежали ледяные мурашки. На миг я подумала, что у него случился сердечный приступ, как это нередко бывает у отцов, ведущих малоподвижный образ жизни. Минуту назад они втолковывали тебе, что надо пережевывать каждый кусочек пищи двадцать девять раз, – а теперь ты читаешь о них в «Дэйли телеграф»:

«Кальдервуд Джейбс, из Парсонажа, Фринтон.

Неожиданно в своей резиденции в субботу, 14-го числа...

На пятьдесят втором году жизни... Старший сын... и так далее... и так далее... и так далее... Оставил дочерей Анну, Диану и Трианну...»

Кальдервуд Джейбс и ему подобные имели привычку внезапно оказываться на небесах, бросая на произвол судьбы выводок унылых дочерей.

Разве я не лишилась уже одного родителя? Разумеется, отец не подложит мне такую свинью.

Или подложит?

Нет. Шумно втягивая воздух ноздрями, словно ломовая лошадь, он наклонился рассмотреть эту штуку на пороге. Пальцами, словно пинцетом, он осторожно снял марку с клюва мертвой птицы и сунул дырявый клочок бумаги в карман жилета. Указал дрожащим пальцем на маленький трупик.

– Избавьтесь от этой штуки, миссис Мюллет, – произнес он задыхающимся голосом, прозвучавшим, словно голос незнакомца.

– О боже мой, полковник де Люс, – сказала миссис Мюллет. – О боже, я не... я думаю... я имею в виду...

Но он уже ушел в кабинет, тяжело ступая и пыхтя как паровоз.

Когда миссис Мюллет, прижимая руки ко рту, отправилась за совком, я убежала в спальню.

Спальни в Букшоу были огромными и плохо освещенными, как ангары для дирижаблей, и моя, расположенная в южном крыле здания – крыле Тара, – была самой большой из всех. Обои ранневикторианской эпохи (горчично-желтые, разрисованные мазками красной краски, напоминавшими кровавые потеки) заставляли ее казаться еще больше: холодное, бескрайнее, ветреное из-за сквозняков пространство. Даже летом перспектива путешествия через всю комнату к далекому умывальнику, расположенному около окна, могла бы устроить покорителя Антарктиды Скотта; это была одна из причин, почему я пропускала этот этап и забиралась сразу в кровать с пологом на четырех столбиках, где, завернувшись в шерстяное одеяло, я могла предаться размышлениям.

Например, я думала о том, как использовала нож для масла, чтобы отодрать от желтушной стены образцы обоев. Вспоминала, как Даффи, с широко распахнутыми глазами, подробно пересказывала роман Кронина, где герой-бедолага умирает, проводя ночь в комнате, обои которой окрашены краской с примесью мышьяка. Преисполненная надежды, я принесла образцы обоев в лабораторию для анализа.

Никаких примитивных нудных проб Марша[7 - Марш – английский химик, разработавший тест для определения наличия мышьяка.], боже упаси! Я отдавала предпочтение методу, при котором мышьяк сначала переводится в свой триоксид, затем нагревается вместе с ацетатом натрия, в результате чего образуется оксид какодила – не только одна из самых ядовитых субстанций, когда-либо существовавших на планете Земля, но и вещество с дополнительным полезным качеством – жутко отвратительным запахом, напоминавшим вонь сгнившего чеснока, только в миллион раз хуже. Первооткрыватель какодила Бунзен заметил, что микроскопическая доза этой штуки не только вызывала зуд в руках и ногах, но и заставляла чернеть язык. О боже, как многоплановы мои труды!

Можете представить мое разочарование, когда я обнаружила, что образец не содержит мышьяка: он был окрашен простым органическим соединением, по всей вероятности, вытяжкой из козьей ивы (*Salix caprea*) или какой-либо другой безвредной и крайне скучной растительной краской.

Каким-то образом эти воспоминания вернули меня к мыслям об отце.

Что его так испугало? И действительно ли страх я видела на его лице?

Да, в этом не приходилось сомневаться. Это не могло быть ничем иным. Я хорошо знала его гнев, нетерпение, усталость, внезапные приступы уныния: все эти настроения время от времени скользили по его лицу, словно тени облаков, плывущих над английскими холмами.

Он не боялся мертвых птиц, это я точно знала. Я много раз видела, как он поедает жирного гуся на Рождество, размахивая ножом и вилкой, как восточный ассасин. Вряд ли его могло испугать наличие перьев. Или мертвый глаз птицы.

И вряд ли это могло быть из-за марки. Отец любил марки больше, чем собственных отпрысков. Единственным созданием, которое он любил больше, чем свои хорошенькие клочки бумаги, была Харриет. И, как я говорила, она умерла.

Как этот бекас.

Может ли в этом быть причина подобной его реакции?

– Нет! Нет! Убирайся прочь! – донесся суровый голос из открытого окна, нарушив ход моих умозаключений.

Я сбросила одеяло, выпрыгнула из постели, подбежала к окну и выглянула наружу в огород.

Это был Доггер. Он прижимался к садовой стене, цепляясь за выцветшие красные кирпичи темными обветренными пальцами.

– Не подходи ко мне! Убирайся!

Доггер – человек отца: его слуга, мастер на все руки. И в саду он был один.

Перешептывались – могу предположить, что источником являлась миссис Мюллет, – что Доггер провел два года в японском лагере для военнопленных, после чего воспоследовали еще тринадцать месяцев пыток, голода, недоедания и принудительного труда на Дороге смерти, соединяющей Таиланд и Бирму, где, как предполагали, он был вынужден питаться крысами.

– Будь с ним осторожна, дорогая, – говорила мне миссис Мюллет. – Его нервы на грани.

Я посмотрела, как он топчется на грядке с огурцами. Преждевременно поседевшие волосы стоят дыбом, невидящие закатившиеся глаза уставились на солнце.

– Все в порядке, Доггер! – прокричала я. – Я слежу за ними отсюда!

На миг я подумала, что он меня не услышал, но потом его лицо медленно повернулось на звук моего голоса, как подсолнух на свет солнца. Я задержала дыхание. Никогда не знаешь, что человеку взбредет в голову в таком состоянии.

– Успокойся, Доггер, – продолжила я. – Все в порядке. Они ушли.

Внезапно он обмяк, как человек, держащийся за электрический провод, в котором только что отключили ток.

– Мисс Флавия? – Его голос дрожал. – Это вы, мисс Флавия?

– Я спускаюсь, – ответила я. – Сейчас приду.

Я очертя голову скатилась по черной лестнице на кухню. Миссис Мюллет ушла домой, оставив торт с заварным кремом остывать на открытом окне.

Нет, подумала я, что нужно Доггеру, так это выпить. Отец держал виски в запертом книжной шкафу в кабинете, и туда я сунуться не могла.

К счастью, я обнаружила кувшин молока в буфете. Я налила молока в стакан и побежала в огород.

– Вот, выпей, – предложила я, протягивая стакан.

Доггер взял его обеими руками, долго смотрел, как будто не понимал, что с ним делать, и затем неуверенно поднес ко рту. Жадно выпил до последней капли и вернул мне пустой стакан.

На миг на его лице появилось выражение смутного блаженства, словно у рафаэлевского ангела, но ненадолго.

– У тебя усы от молока, – сказала я ему. Я наклонилась к огурцам, сорвала большой темно-зеленый лист и вытерла Доггеру верхнюю губу.

В его пустые глаза возвращалось сознание.

– Молоко и огурцы... – произнес он. – Огурцы и молоко...

– Яд! – закричала я, подпрыгивая и хлопая руками, как курица, чтобы убедить его, что все под контролем. – Смертельный яд! – И мы хором рассмеялись.

Он моргнул.

– Надо же! – сказал он, окидывая взглядом огород, словно принцесса, пробуждающаяся от глубокого сна. – Кажется, нас ждет прекрасный день!

Отец не вышел к обеду. Для успокоения я прижалась ухом к двери его кабинета и несколько минут прислушивалась к шелесту страниц и периодическому покашливанию. Нервы, решила я.

За столом Дафна сидела, уткнувшись в томик Горация Уолпола[8 - Гораций Уолпол (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра романов ужаса и тайн, так называемого готического романа.] и позабыв про влажный сэндвич с огурцом, сиротливо лежащий на тарелке. Офелия, без конца вздыхая и перекладывая ногу на ногу, отстраненно смотрела в пространство, и я могла только предполагать, что она думает о Неде Кроппере, на все руки мастере из

«Тринадцать селезней». Она была слишком погружена в свои мысли, чтобы обратить внимание, как я наклонилась к ней поближе рассмотреть ее губы, когда она отсутствующе потянулась за кусочком тростникового сахара, сунула его в рот и начала посасывать.

– Ага, – заметила я, ни к кому не обращаясь, – утром появятся прыщики.

Она попыталась стукнуть меня, но мои ноги оказались быстрее, чем ее лапы.

Наверху в лаборатории я записала:

«Пятница, 2 июня 1950 года, 13:07. Заметной реакции пока нет. «Терпение – необходимое свойство гения» (Дизраэли)».

Я не могла уснуть. Обычно, когда темнеет, моя голова наливается свинцом, но не сегодня. Я лежала на спине, заложив руки за голову, и прокручивала перед глазами минувший день.

Сначала отец. Нет, это не совсем так. Сначала была мертвая птица на крыльце – и потом отец. Я увидела на его лице страх, но до сих пор какая-то часть меня не могла в это поверить.

Для меня – для всех нас – отец был воплощением бесстрашия. Он повидал многое во время войны: ужасные вещи, о которых он никогда не рассказывал. Он как-то пережил годы после исчезновения Харриет и ее предполагаемой смерти. И он всегда оставался смелым, стойким, упорным и непоколебимым. Настоящим британцем. Твердость характера – превыше всего. Но сейчас...

Потом Доггер: Артур Уэллесли Доггер, таково его «фамильное имя» (как он говаривал в лучшие дни). Доггер появился у нас в качестве отцовского денщика, но впоследствии, когда «все тяготы этой должности» (его слова, не мои) легли на его плечи, он счел «более соответствующим» стать дворецким, затем шофером, впоследствии главным мастером на все руки в Букшоу и затем снова на какое-то время шофером. В последние месяцы он медленно опускался, как опавший осенний лист, пока не дошел до должности садовника, и отец отдал наш «хиллман»-универсал[9 - «Хиллман» – марка английских автомобилей, существовавшая до 1976 года.] для благотворительной лотереи.

Бедный Доггер! Вот что я подумала, хотя Дафна говорила мне, что никогда не следует так говорить о людях. «Такая характеристика не только унижает человека, но и отказывает ему в праве на достойное будущее», – вот что она сказала.

Тем не менее как можно забыть вид Доггера в огороде? Здоровый беспомощный увалень, волосы в беспорядке, садовый инвентарь рассыпал, тележка перевернута, а на лице выражение, словно... словно...

До моего слуха донесся какой-то хруст. Я повернула голову и прислушалась.

Ничего.

Природа одарила меня острым слухом; как однажды мне сказал отец, для владельца такого слуха шелест паутины звучит словно клацанье подковы о стену. У Харриет тоже был такой слух, и иногда мне нравится думать, что я в некотором роде ее своеобразное воплощение: пара бестелесных ушей, парящих над населенными привидениями холмами Букшоу и слышащих то, что лучше не слышать.

Внимание! Опять этот звук! Эхо голоса, холодного и глухого, словно шепот в пустой коробке из-под печенья.

Я выскользнула из кровати и на цыпочках подкралась к окну. Стараясь не потревожить шторы, я посмотрела на огород, и в этот миг луна услужливо выглянула из-за тучи и осветила место действия, в точности как в первой классной постановке «Сна в летнюю ночь».

Но рассматривать было нечего, кроме серебристого света луны, танцующего среди огурцов и роз.

Затем я услышала голос – сердитый голос, словно жужжание шмеля в конце лета, пытающегося вылететь через закрытое окно.

Я набросила на себя японский шелковый халат Харриет (один из двух, которые я спасла во время Великой чистки), сунула ноги в расшитые бисером индейские мокасины, служившие тапочками, и прокралась к лестнице. Голос доносился

откуда-то из дома.

В Букшоу были две большие лестницы, представлявшие собой зеркальные копии друг друга и ведущие со второго этажа на первый, чуть не доходя до черной линии, разделявшей напополам пол фойе, выложенный плиткой в шахматном порядке. Моя лестница, спускавшаяся из «Тара», то есть восточного крыла, заканчивалась в огромном гулком холле, позади которого, напротив западного крыла, располагался оружейный музей, а за ним – кабинет отца. Именно оттуда доносился голос. Я прокралась в ту сторону.

Я прижалась ухом к двери.

– Кроме того, Джако, – говорил грубый голос по ту сторону деревянной панели, – как ты смог жить после такого открытия? Как ты это перенес?

На один тошнотворный миг я подумала, что это Джордж Сандерс пришел в Букшоу и отчитывает отца за закрытыми дверями.

– Убирайся, – сказал отец, и по его сдержанной интонации я поняла, что он в ярости. Мысленным взором я видела его нахмуренные брови, сжатые кулаки и напряженный, как тетива, подбородок.

– Ой, успокойся, старик, – вкрадчиво сказал голос. – Мы повязаны этим вместе, и никуда от этого не деться. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

– Твайнинг был прав, – ответил отец. – Ты омерзительный, презренный образчик человеческой породы.

– Твайнинг? Старик Каппа? Каппа мертв все эти тридцать лет, Джако. Как и Джейкоб Марли. Но, как говорил Марли, его призрак тут задержится. Как ты, должно быть, заметил.

– И мы убили его, – глухим безжизненным голосом произнес отец.

Я слышала то, что слышала? Как он мог...

Оторвав ухо от двери и попытавшись разглядеть что-то в замочную скважину, я пропустила следующие слова отца. Он стоял рядом со столом, смотря в сторону двери. Незнакомец был ко мне спиной. Он был очень высок, шесть футов четыре дюйма, прикинула я. Рыжими волосами и выцветшим серым костюмом он напомнил мне канадского журавля, чучело которого стояло в полутемном углу оружейного музея.

Я снова приложила ухо к обшитой панелями двери.

– ...нет закона о сроке давности позора, – говорил голос. – Что для тебя пара тысяч, Джако? Ты должен был заполучить приличный куш, когда умерла Харриет. Одна страховка...

– Закрой свою грязную пасть! – закричал отец. – Убирайся отсюда, пока я...

Внезапно меня схватили сзади, и грубая рука зажала мне рот. Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди.

Меня держали так крепко, что я не могла пошевелиться.

– Возвращайтесь в кровать, мисс Флавия, – прошипели мне в ухо.

Это был Доггер.

– Это вас не касается, – прошептал он. – Возвращайтесь в кровать.

Он ослабил хватку, и я высвободилась, бросив на него ядовитый взгляд.

В полумраке я заметила, что его взгляд немного смягчился.

– Убирайтесь, – шепнул он.

И я ушла.

Вернувшись в комнату, я походила по ней взад-вперед, как я часто делала, когда сталкивалась с препятствием.

Я думала об услышанном. Отец убийца? Это невозможно. Должно быть какое-то простое объяснение. Если бы только мне удалось подслушать весь разговор между отцом и незнакомцем... Если бы только Доггер не застал меня врасплох... Что он вообще о себе думает?

Я ему покажу.

– Больше никакой суеты! – сказала я вслух.

Я извлекла Хосе Итурби из зеленого бумажного конверта, хорошенько завела патефон, шлепнула пластинку на проигрыватель и поставила полонез Шопена. Упала на кровать и начала громко подпевать:

– Да-да-да-да, да-да-да-да, да-да-да-да, да-да-да-да...

Музыка звучала так, будто ее сочинили для фильма, в котором некто заводил старый «бентли», продолжавший фырчать: плохой выбор в качестве колыбельной...

Когда я открыла глаза, в окна заглядывала ранняя устрично-розовая заря. Стрелки медного будильника показывали 3:45. Летом светает рано, менее чем через четверть часа уже всюду будет светить солнце.

Я потянулась, зевнула и выкарабкалась из постели. Патефон остановился, замерев на середине полонеза, иголка безжизненно уткнулась в дорожку. На краткий миг я подумала было, не завести ли мне его снова и не устроить ли домашним побудку на польский манер. Но тут я вспомнила, что произошло несколько часов назад.

Я подошла к окну и посмотрела на огород. Там стоял садовый сарай, окна которого затуманились от утренней росы, и валялась перевернутая тележка Доггера, позабытая в свете вчерашних событий.

Намереваясь вернуть тележку на место, чтобы как-то отблагодарить Доггера за то, что я не могла сама сформулировать, я оделась и тихо спустилась по черной лестнице на кухню.

Проходя мимо окна, я заметила, что от торта миссис Мюллет отрезан кусок. Странно, удивилась я, это наверняка не мог быть кто-то из де Люсов.

Если мы и могли прийти к согласию хоть по одному вопросу – поводу, объединявшему нас в семью, – то это было наше коллективное отвращение к кремовым тортам миссис Мюллет. Когда она сбивалась с пути истинного (то есть с нашего любимого ревеня или крыжовника) в сторону ненавистного заварного крема, мы обычно отказывались есть, симулируя коллективную болезнь, и посылали ее домой вместе с тортом и заботливым наказом угостить им ее доброго супруга Альфа.

Выйдя во двор, я увидела, что серебристый свет зари превратил огород в волшебную поляну, на фоне дня, занимавшегося за стеной, его тени казались еще более глубокими по сравнению с тонкой полоской дня за стеной, и я бы вовсе не удивилась, если бы из-за розового куста выступил единорог и попытался положить голову мне на колени.

По пути к тележке я неожиданно споткнулась и упала на четвереньки.

– Черт побери! – сказала я, предварительно оглядевшись и убедившись, что меня никто не слышит. Я перемазалась черной мокрой землей.

– Черт побери! – повторила я, на этот раз потише.

Обернувшись посмотреть, обо что я споткнулась, я сразу же заметила что-то белое, высывающееся из-за огурцов. Краткий миг часть меня отчаянно пыталась поверить, что это маленькие грабли – маленькое аккуратное сельскохозяйственное орудие с белыми изогнутыми зубцами.

Но потом здравый смысл возобладал, и я осознала, что это ладонь. Рука, которой принадлежала эта ладонь, пряталась в грядке с огурцами.

А там, подсвеченное ужасным зеленоватым оттенком от темных огуречных листьев, было лицо. Лицо, выглядевшее точь-в-точь как у зеленого человека из лесных сказок.

Словно подталкиваемая волей, сильнее моей, я обнаружила, что опускаюсь на четвереньки рядом с этим видением, отчасти в знак почтения, отчасти чтобы рассмотреть получше.

Когда я оказалась почти лицом к лицу с ним, его веки дрогнули.

Я была слишком испугана, чтобы пошевелиться.

Тело на огуречной грядке с дрожью втянуло в себя воздух... и затем, булькая носом, выдохнуло одно-единственное слово, медленно и немного печально, прямо мне в лицо.

– Vale, – произнесло оно.

Мои ноздри рефлекторно дернулись, когда я почувствовала своеобразный запах – запах, название которого вертелось у меня на языке.

Глаза, голубые, как птицы на посуде с ивовым узором[10 - Ивовый узор – традиционный синий рисунок на белом фарфоре с изображением птиц, стилизованных фигур китайцев под ивами или на мосту; создан английским гончаром Томасом Тернером в 1780 г.], уставились в мои, словно глядя из далекого смутного прошлого, словно что-то узнавая.

И потом помертвели.

К сожалению, не могу сказать, что мое сердце сжалось от ужаса, нет. Хотела бы я сказать, что инстинкт заставлял меня броситься прочь, но это было бы неправдой. Вместо этого я с трепетом впитывала каждую деталь – вздрогнувшие пальцы, почти незаметная металлическая бронзовость кожи, появившаяся прямо на моих глазах, словно навеянная дыханием смерти.

И затем абсолютная неподвижность.

Жаль, но я не могу сказать, что испугалась. Совсем наоборот. Это было, пожалуй, самое интересное приключение за всю мою жизнь.

Я взлетела по западной лестнице. Первой моей мыслью было разбудить отца, но что-то – какое-то невидимое препятствие – остановило меня на полпути. От Даффи и Фели не было проку в экстремальных ситуациях, лучше их не тревожить. Как можно тише и быстрее я помчалась в заднюю часть дома, к маленькой комнатке, расположенной на верху лестницы, ведущей от кухни, и легко постучала в дверь.

– Доггер, – прошептала я. – Это я, Флавия.

Из-за двери не доносилось ни звука, и я снова постучала.

Спустя две с половиной вечности я услышала шарканье шлепанцев Доггера по полу. Отодвигаемый засов громко стукнул, и дверь осторожно приоткрылась на пару дюймов. Я увидела, что лицо Доггера осунулось, словно он не ложился спать.

– В огороде труп, – сказала я. – Думаю, тебе лучше пойти и посмотреть.

Пока я топталась на пороге и грызла ногти, Доггер бросил на меня взгляд, который можно было определить только как упрекающий, и скрылся во мраке комнаты, чтобы одеться. Через пять минут мы стояли на дорожке в огороде.

Было очевидно, что Доггеру трупы не в новинку. Как будто занимаясь этим всю жизнь, он опустился на колени, прижал два пальца к шее трупа, проверяя пульс.

Медленно поднявшись на ноги, Доггер вытер руки, словно от грязи.

– Я сообщу полковнику, – сказал он.

– Разве нам не надо позвонить в полицию? – спросила я.

Доггер провел длинными пальцами по небритому подбородку, словно размышляя над вопросом вселенского значения. На пользование телефоном в Букшоу были наложены строгие ограничения.

– Да, – наконец ответил он, – полагаю, надо.

Мы вместе медленно направились в дом.

Доггер поднял телефонную трубку, прижал к уху, но я видела, что он крепко держит палец на рычаге. Его рот открылся и закрылся несколько раз, и лицо побледнело. Рука начала дрожать, и я испугалась, что он сейчас уронит трубку. Он беспомощно взглянул на меня.

– Ладно, – сказала я, забирая у него телефон, – я сделаю.

– Бишоп-Лейси 211, – произнесла я в трубку. Ожидая соединения, я думала, что Шерлок улыбнулся бы такому совпадению.

– Полиция, – отозвался официальный голос на том конце линии.

– Констебль Линнет? – уточнила я. – Говорит Флавия де Люс из Букшоу.

Я никогда этого раньше не делала и была вынуждена полагаться на то, что слышала по радио и видела в кино.

– Хочу сообщить о смерти, – продолжила я. – Возможно, вы могли бы прислать инспектора?

– Может быть, вам требуется «скорая», мисс Флавия? – поинтересовался он. – Обычно мы не отправляем инспектора, если обстоятельства смерти не подозрительны. Подождите, я найду карандаш...

Повисла сводящая с ума пауза, пока я слушала, как он копается в канцелярских принадлежностях.

– Теперь назовите мне имя умершего, медленно, сначала фамилию.

– Я не знаю, как его зовут, – ответила я. – Это незнакомец.

Это была правда: я не знала его имени. Но я опознала – слишком хорошо опознала – тело в огороде. Тело с рыжими волосами, тело в сером костюме – это тот самый мужчина, за которым я шпионила через замочную скважину. Человек, которого отец...

Но я вряд ли могла сказать об этом полиции.

– Я не знаю его имени, – повторила я. – Никогда прежде его не видела.

Я переступила черту.

Миссис Мюллет и полиция прибыли одновременно, она пешком из деревни и они на синем «воксхолле». Под колесами затормозившего автомобиля захрустел гравий, передняя дверца распахнулась, и на дорогу вышел человек.

– Мисс де Люс, – сказал он так, словно произнося мое имя вслух, получил надо мной власть. – Можно называть вас Флавией?

Я согласно кивнула.

– Я инспектор Хьюитт. Ваш отец дома?

Инспектор оказался человеком довольно приятной наружности, с вьющимися волосами, серыми глазами и несколько бульдожьим видом, напомнившим мне Дугласа Бэйдера, аса-истребителя, чьи фото я видела в выпусках «Иллюстрированной войны», лежавших в гостиной.

– Да, – ответила я, – но он недоступен. – Это слово я позаимствовала у Офелии. – Я отведу вас к трупам сама.

Миссис Мюллет уронила челюсть и вытаращила глаза.

– Боже мой! Прошу прощения, мисс Флавия, но как можно!

Если бы на ней был надет передник, она бы закрыла им лицо и убежала, но вместо этого она вкатилась в открытую дверь.

Двое мужчин в синих костюмах, которые до этого, словно в ожидании указаний, сидели на заднем сиденье машины, начали выбираться наружу.

– Детектив-сержант Вулмер и детектив-сержант Грейвс, – представил их инспектор Хьюитт. Сержант Вулмер был неповоротлив и коренаст, со сломанным носом профессионального боксера; сержант Грейвс – маленький живой блондин с ямочками на щеках, он улыбнулся, пожимая мне руку.

– А теперь будьте добры... – сказал инспектор Хьюитт.

Детективы-сержанты достали чемоданы из багажника «воксхолла», и я провела торжественную процессию через дом в огород.

Показав, где тело, я зачарованно наблюдала, как сержант Вулмер распаковал и установил на штатив камеру, его толстые, как сосиски, пальцы совершали неожиданно тонкие, едва заметные движения, настраивая аппарат. Пока он делал общие снимки огорода, особенное внимание уделяя грядке с огурцами, сержант Грейвс открыл потертый кожаный чемодан, в котором ряд за рядом аккуратно выстроились бутылочки и в котором я углядела упаковку прозрачных конвертов.

Я жадно, чуть ли не истекая слюной, придвинулась поближе, чтобы рассмотреть все подробности.

– Скажи, Флавия, – попросил инспектор Хьюитт, осторожно углубляясь в огурцы, – не могла бы ты попросить кого-нибудь сделать нам чаю?

Видел бы он выражение моего лица.

– Мы с раннего утра на ногах. Возможно, ты могла бы быстренько что-нибудь сообразить для нас?

Вот так всегда. С рождения и до смерти. Без единого доброго слова единственную особу женского пола в поле зрения сослали кипятить воду. Сообразить что-нибудь, в самом деле! За кого он меня принимает... За служанку?

– Я посмотрю, что можно сделать, – ответила я. Надеюсь, холодно.

– Благодарю, – сказал инспектор Хьюитт. Потом, когда я двинулась в сторону кухни, он крикнул вдогонку: – Да, Флавия!

Я ожидающе обернулась.

– Мы зайдем в дом. Не возвращайся сюда.

Ну не нахальство, а? Чертов наглец!

Офелия и Дафна уже сидели за столом и завтракали. Миссис Мюллет проговорила, и у них было достаточно времени, чтобы изобразить равнодушие.

На губах Офелии все еще не было ни единого признака действия моего препарата, и я сделала себе мысленно заметку записать попозже время и результаты наблюдения.

– Я нашла труп на огуречной грядке, – поведала я им.

– Как это на тебя похоже, – заметила Офелия, продолжая приводить в порядок брови.

Дафна дочитала «Замок Отранто» и погрузилась в «Николаса Никльби». Но я заметила, что она покусывает губу – верный знак недовольства.

Повисло напряженное молчание.

– Там было много крови? – наконец поинтересовалась Офелия.

– Нет, – ответила я, – ни капли.

– Чье это тело?

– Не знаю, – сказала я, радуясь возможности одновременно сказать правду и умолчать.

– Смерть совершенного незнакомца, – продекламировала Дафна на манер диктора Би-би-си, отвлекшись от Диккенса, однако заложив пальцем страницу, которую читала.

– Откуда ты знаешь, что это незнакомец? – поинтересовалась я.

– Элементарно, – ответила Дафна. – Это не ты, не я и не Фели. Миссис Мюллет на кухне, Доггер в саду с полицейскими, а отец еще пару минут назад был наверху и плескался в ванной.

Я чуть не сказала ей, что это меня она слышала в ванной, но решила не делать этого: любое упоминание ванной неизбежно вызывало колкости в адрес моих гигиенических привычек. Но после утренних событий в огороде я почувствовала внезапную необходимость помыться.

– Судя по всему, его отравили, – сказала я. – Имею в виду незнакомца.

– Дело всегда в яде, да? – заметила Фели, играя с прядью волос. – Во всяком случае, в жутких низкопробных детективных романах. В таком случае он совершил роковую ошибку, попробовав стряпню миссис Мюллет.

Когда она отодвинула липкие остатки вареного яйца, что-то заискрилось в моей памяти, словно вспыхнули дрова в камине, но до того, как я успела понять, в чем дело, мысль исчезла.

– Послушайте, – сказала Дафна, зачитывая вслух. – Фанни Сквирс пишет письмо: «...мой папаша – одна сплошная маска из синяков синих и зеленых, а также две парты поломаны. Нам пришлось отнести его вниз в кухню, где он теперь лежит...

После того как ваш племянник, которого вы рекомендовали в учителя, учинил это моему папаше и прыгнул на него с ногами и выражался так, что мое перо не выдержит, он с ужасным неистовством напал на мою мамашу, швырнул ее на землю и на несколько дюймов вогнал ей в голову задний гребень. Еще бы немножко, и он вошел бы ей в череп. У нас есть медицинское свидетельство, что

если бы это случилось, черепаший гребень повредил бы мозги». Теперь послушайте вот этот отрывок: «После этого я и мой брат стали жертвами его бешенства, от которого мы очень сильно пострадали, что приводит нас к терзающей мысли, что какие-то повреждения нанесены нашему нутру, в особенности раз никаких знаков снаружи не видно. Я испускаю громкие вопли все время, пока пишу[11 - Это цитата из «Жизни и приключений Николаса Никльби» Ч. Диккенса.]...»

С моей точки зрения, это классический случай отравления цианидом, но я была не в настроении делиться своими прозрениями с этими двумя невежами.

– «...испускаю громкие вопли все время, пока пишу...», – повторила Дафна. – Подумать только!

– Могу себе представить, – сказала я, отодвигая тарелку и, оставив завтрак нетронутым, медленно начала подниматься по восточной лестнице в лабораторию.

Когда я бывала не в духе, я направлялась в мою святая святых. Здесь, среди реторт и мензурок, я отдавала себя на волю того, что именовалось Духом химии. Здесь шаг за шагом я повторяла открытия великих химиков. Или с трепетом снимала с полки томик из бесценной коллекции Тара де Люса, например, английский перевод «Химических элементов» Антуана де Лавуазье. Эта книга была опубликована в 1790 году, но ее страницы, даже спустя сто шестьдесят лет, оставались хрустящими, как оберточная бумага. Как я упивалась старинными названиями, которые только и ждали, когда я обнаружу их на страницах... Сурьяное масло... Мышьяковые цветы[12 - Буквальный перевод английского термина – arsenic flowers, название мышьяка.]...

Мерзкие яды – называл их Лавуазье, но я наслаждалась, произнося их названия, словно музыку.

– Королевский желтый! – сказала я вслух, перекаывая слова во рту, наслаждаясь их ядовитым содержанием. – Кристаллы Венеры! Дымящаяся жидкость Бойла! Тараканье масло!

Но на этот раз излюбленный способ не сработал: мои мысли продолжали возвращаться к отцу, крутясь вокруг того, что я видела и слышала. Кто такой этот Твайнинг – «старик Каппа» – человек, о котором отец сказал, что они его убили? И почему отец не вышел к завтраку? Это меня серьезно беспокоило. Отец всегда утверждал, что завтрак – это «пиршество тела», и, насколько я знала, на свете не существовало ничего, способного заставить отца пропустить его.

Кроме того, я думала об абзаце, зачитанном Дафной, – «синяки синие и зеленые». Может быть, отец дрался с незнакомцем и получил ушибы, которые нельзя было скрыть? Или он получил внутренние повреждения вроде тех, что описывала Фанни Сквиз, – повреждения, не оставлявшие видимых признаков насилия? Возможно, именно это произошло с рыжеволосым мужчиной. Это объясняет, почему я не увидела крови. Мог ли отец оказаться убийцей? Опять?

Моя голова шла кругом. Я не смогла придумать ничего лучше, кроме как успокоиться с помощью Оксфордского английского словаря. Я пролистала томик до буквы V. Какое слово незнакомец выдохнул мне в лицо? Vale – вот что это было.

Странно, что умирающий обратился к человеку, которого совершенно не знал.

Внезапно ход моих мыслей нарушил грохот из холла. Кто-то бил в обеденный гонг. Этот огромный диск, выглядевший пережитком из заставок к фильмам Дж. Артура Ранка, не использовался много лет, вот почему меня так удивил его мощный звук.

Я выбежала из лаборатории и спустилась по лестнице, обнаружив около гонга огромного человека, стоявшего с молоточком в руке.

– Коронер, – произнес он, и я решила, что он имеет в виду себя. Хотя он не потрудился представиться, я признала в нем доктора Дарби, одного из двух совладельцев медицинской практики в Бишоп-Лейси.

Доктор Дарби являл собой типичного представителя английской нации: красное лицо, несколько подбородков и живот, колыхавшийся, словно парус на ветру. Он был одет в коричневый костюм и клетчатую желтую жилетку и имел при себе традиционный докторский черный чемоданчик. Если он узнал во мне девочку, которой зашивал руку год назад, после происшествия с разбившейся ретортой,

он не подал виду и стоял выжидательно, как гончая в охотничьей стойке.

Отец все еще не появлялся, равно как и Доггер. Я знала, что Фели и Даффи отродясь не снизойдут до того, чтобы ответить на звонок («Я что, собака Павлова?» – скажет Фели), а миссис Мюллет не выходит из кухни.

– Полиция в огороде, – сказала ему я. – Я вас провожу.

Когда мы вышли на солнечный свет, инспектор Хьюитт оторвался от изучения шнурков черных туфель, довольно неприятно выглядывавших из огурцов.

– Доброе утро, Фред, – приветствовал инспектор. – Я подумал, что тебе лучше прийти и взглянуть самому.

– Умм, – промычал доктор Дарби.

Он открыл чемоданчик, покопался внутри и извлек белый бумажный пакет. Засунул в него два пальца и достал одну мятную конфетку, которую положил в рот и начал с удовольствием посасывать.

Через секунду он забрался в траву и встал на колени над трупом.

– Известно, кто это? – спросил он, перекатывая во рту конфету.

– Кажется, нет, – ответил инспектор Хьюитт. – Карманы пусты... Документов нет... Единственно, есть причины полагать, что он недавно прибыл из Норвегии.

Недавно прибыл из Норвегии? Наверняка это дедукция, достойная самого великого Холмса, – и я слышала ее своими собственными ушами! Я была почти готова простить инспектора за его прежнюю грубость... Почти, но не вполне.

– Мы начали расследование, выясняем порт захода судна и так далее.

– Чертовы норвежцы! – выругался доктор Дарби, поднимаясь с колен и закрывая чемоданчик. – Летят сюда, как мотыльки на огонь, тут погибают, а нам приходится подчищать за ними. Это несправедливо, не так ли?

– Какое время смерти мне указать? – спросил инспектор Хьюитт.

– Трудно сказать. Как всегда. Ладно, не как всегда, но часто.

– Хотя бы примерно?

– С цианидом сложно определить. От восьми до двенадцати часов назад, полагаю. Я смогу сказать точнее, после того как этот парень окажется у нас на столе.

– И это получается...

Доктор Дарби отвернул манжету и взглянул на часы.

– Так, посмотрим... Сейчас 8:22, значит, это произошло не раньше чем в 8:22 вечера и не позже, скажем, полуночи.

Полночь! Наверное, я слишком шумно втянула воздух, потому что инспектор Хьюитт и доктор Дарби оба повернулись ко мне. Как я могла им сказать, что считанные часы назад незнакомец из Норвегии выдохнул мне в лицо свой последний вздох?

Оставалось единственное решение. Я развернулась на каблуках и убежала.

Я нашла Доггера под окном библиотеки, он подстригал розы на клумбе. Воздух был густо напоен их ароматом – нежным запахом коробок с чаем с Востока.

– Отец еще не спускался, Доггер? – спросила я.

– Сорт «Леди Хиллингдон» особенно хорош в этом году, мисс Флавия, – сказал он с таким видом, будто у него лед во рту; как будто не было нашего с ним ночного столкновения. Очень хорошо, подумала я, я сыграю в его игру.

– Очень хорош, – согласилась я. – А где отец?

– Не думаю, что он хорошо спал. Полагаю, он решил еще вздремнуть.

Вздремнуть? Как он мог оставаться в постели, когда дом полон представителей закона?

– Как он отнесся к тому, что ты ему сказал? Ты знаешь – я имею в виду то, что в огороде.

Доггер повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я ему не говорил, мисс.

Он потянулся и резким щелчком секатора обрезал не совсем идеальный цветок. Тот тихо упал на землю и остался лежать там в тени, обратив желтое лицо к нам.

Мы оба неотрывно смотрели на обезглавленную розу, думая, что делать дальше, когда инспектор Хьюитт вышел из-за угла дома.

– Флавия, – позвал он. – Я бы хотел поговорить с тобой. – И добавил: – В доме.

4

– Это этот человек, с которым ты разговаривала в огороде? – поинтересовался инспектор Хьюитт.

– Доггер, – ответила я.

– Имя?

– Флавия, – сказала я. Не смогла удержаться.

Мы сидели на диване эпохи Регентства в Розовой комнате. Инспектор со стуком положил ручку и повернулся посмотреть мне в лицо.

– Если вы еще не осознали это, мисс де Люс, – а я подозреваю, так оно и есть, – это расследование убийства. Я не потерплю легкомыслия. Человек мертв, и мой долг – выяснить, почему, когда, как и кто. И когда я сделаю это, моим долгом будет объяснить все Короне. Я имею в виду короля Георга VI, и король Георг VI – не легкомысленный человек. Я ясно выражаюсь?

– Да, сэр, – ответила я. – Его имя Артур. Артур Доггер.

– И он работает садовником здесь, в Букшоу?

– Сейчас да.

Открыв черную записную книжку, инспектор микроскопическим почерком делал заметки.

– Он не всегда был садовником?

– Он мастер на все руки, – сказала я. – Работал у нас шофером, пока нервы не начали сдавать...

Хотя я смотрела в другую сторону, я все равно ощущала его настойчивый взгляд детектива.

– Война, – объяснила я. – Он был военнопленным. Отец считал, что... он пытался...

– Я понимаю, – сказал инспектор Хьюитт неожиданно мягким голосом. – Доггеру лучше всего в огороде.

– Да, Доггеру лучше всего в огороде.

– Знаешь, ты необыкновенная девочка, – сказал он. – В подобных ситуациях следует разговаривать со взрослыми, но с учетом того, что твой отец нездоров...

Нездоров? Ах да, конечно же. Я почти забыла мою маленькую ложь.

Не обратив внимания на выражение замешательства, промелькнувшее на моем лице, инспектор продолжил:

– Ты упомянула, что Доггер работал шофером. У твоего отца есть автомобиль?

На самом деле, да, у отца был старый «роллс-ройс фантом II», стоявший в каретном сарае. В действительности машина принадлежала Харриет, и с тех пор, как в Букшоу пришло известие о ее смерти, машиной ни разу не пользовались. Более того, хотя отец сам не умел водить, он никому бы не позволил притронуться к «роллс-ройсу». И этот великолепный породистый шедевр автомобилестроения, с длинным черным капотом, высоким никелированным радиатором со статуэткой и переплетающимися буквами «R», был отдан на откуп полевым мышам, давно нашедшим лазейки внутрь салона и обосновавшимся в бардачке из красного дерева. Даже невзирая на обветшалость, его до сих пор иногда называли «тот самый “ройс”», как представители высшего общества часто именуют такие автомобили.

«Только деревенщина может называть это “роллс-ройсом”», – заявила Фели, когда я на миг потеряла бдительность в ее присутствии.

Когда мне хотелось побыть одной в месте, где можно было рассчитывать, что меня не потревожат, я забиралась в запыленный «роллс-ройс» Харриет и часами сидела в тепле, окруженная истершейся плюшевой обивкой и потрескавшейся кожей.

Неожиданный вопрос инспектора заставил меня вернуться мысленно в темный штормовой день минувшей осени, день, когда шел проливной дождь и неистово дул ветер. Из-за риска угодить под падающую ветку гулять в лесу около Букшоу было слишком опасно, так что я выскользнула из дома и пробились сквозь бурю в каретный сарай, чтобы хорошенько поразмышлять. Внутри стоял «Фантом» и тускло поблескивал в темноте, а снаружи выла буря, и ураган бился в окна, словно племя голодных баньши. Моя рука уже легла на ручку дверцы, и тут я поняла, что в машине кто-то есть. Я чуть не подпрыгнула до потолка. Но потом осознала, что это отец. Он сидел там и плакал, не обращая внимания на бурю.

Несколько минут я неподвижно стояла, боясь шелохнуться и едва осмеливаясь вздохнуть. Но когда отец медленно потянулся к ручке, я по-кошачьи упала на четвереньки и закатилась под машину. Уголком глаза я видела, как его

идеально отполированные веллингтоны[13 - Веллингтоны – высокие сапоги (по имени графа Веллингтона, который ввел эту модель сапог в начале XIX в.)] спускаются с подножки, и когда он медленно уходил, я слышала, как у него вырвалось что-то вроде сдавленного всхлипа. Я долго лежала там, глядя на днище «роллс-ройса» Харриет.

– Да, – ответила я. – В каретном сарае стоит старый «фантом».

– И твой отец не водит?

– Нет.

– Ясно.

Инспектор осторожно отложил ручку и записную книжку, словно они были сделаны из венецианского стекла.

– Флавия, – произнес он (и я не могла не заметить, что я больше не «мисс де Люс»), – я должен задать тебе очень важный вопрос. Твой ответ будет иметь решающее значение, ты понимаешь?

Я кивнула.

– Я знаю, что именно ты сообщила об этом... происшествии. Но кто обнаружил тело?

Я лихорадочно думала. Если я скажу правду, повредит ли это отцу? Знает ли уже полиция, что я позвала Доггера на огородную грядку? По всей видимости, нет: инспектор только что узнал имя Доггера, так что разумно предположить, что его еще не успели допросить. Но когда они это сделают, что он скажет? Кого из нас он будет защищать – отца или меня? Существует ли какой-нибудь новый тест, способный показать, была ли жертва еще жива, когда я ее обнаружила?

– Это я, – выпалила я. – Я нашла тело.

– Я так и думал, – сказал инспектор Хьюитт.

Повисло неловкое молчание. Его нарушило появление сержанта Вулмера, сопровождавшего моего отца.

– Мы обнаружили его в каретном сарае, сэр, – объявил сержант. – Он прятался в автомобиле.

– Кто вы, сэр? – требовательно спросил отец. Он был в ярости, и на мгновение я увидела в нем человека, которым он когда-то был. – Кто вы и что делаете в моем доме?

– Я инспектор Хьюитт, сэр, – сказал инспектор, поднимаясь. – Благодарю вас, сержант Вулмер.

Сержант отступил на два шага назад, оказавшись в дверном проеме, и затем скрылся из виду.

– Что же, – сказал отец, – в чем дело, инспектор Хьюитт?

– Происшествие, сэр. В вашем огороде обнаружили тело.

– Что вы имеете в виду под «телом»? Труп?

Инспектор Хьюитт кивнул.

– Да, сэр, – подтвердил он.

В этот момент я осознала, что у отца нет синяков, царапин, порезов... никаких повреждений, во всяком случае видимых. Я также заметила, что его лицо начало бледнеть, за исключением краснеющих ушей.

И я также обратила внимание, что инспектор тоже все это заметил. Он не сразу ответил на вопрос отца, держа паузу.

Отец отвернулся и прошел через длинную арку к бару, проводя пальцами по поверхностям всех предметов мебели, попадавшихся ему на пути. Он смешал себе джин с содовой и опустошил стакан со стремительной легкостью, выдававшей более частую практику в этом деле, чем я могла предположить.

– Мы еще не опознали тело, полковник де Люс. Вообще-то, мы надеялись, что вы нам поможете.

При этих словах лицо отца побелело еще сильнее, если это было возможно, и уши заалели огнем.

– Простите, инспектор, – произнес он едва слышно. – Пожалуйста, не просите меня об этом... Я не в ладах со смертью, видите ли...

Не в ладах со смертью? Отец был военным, а военные живут со смертью, живут ради смерти, побеждают смерть. Для профессионального солдата, как ни странно, смерть и есть жизнь. Даже я это знала.

Я также знала, поняла мгновенно, что отец только что солгал, и тут что-то внутри меня, какая-то ниточка порвалась. Словно я вдруг стала старше.

– Я понимаю, сэр, – сказал инспектор Хьюитт, – но если других способов нет...

Отец вынул платок из кармана и промокнул лоб и шею.

– Немного в шоке, – заметил он, – все это...

Он обвел вокруг себя дрожащей рукой, и в это время инспектор Хьюитт взял записную книжку и начал писать. Отец медленно подошел к окну, притворяясь, что разглядывает окрестности, которые я легко могла представить себе мысленно: искусственное озеро, остров с Причудой, фонтаны, больше не функционирующие, – их закрыли, когда вспыхнула война, и холмы позади.

– Вы были дома все утро? – спросил инспектор прямо.

– Что? – Отец резко обернулся.

– Вы выходили из дома с минувшего вечера?

Отец ответил не сразу.

– Да, – наконец сказал он, – я выходил утром. В каретный сарай.

Я подавила ухмылку. Шерлок Холмс однажды сказал о своем брате Майкрофте, что его так же сложно увидеть за пределами клуба «Диоген», как трамвай в деревне. Как у Майкрофта, у моего отца были свои рельсы, и он двигался по ним. За исключением церкви и периодических стремительных вылазок к поезду, чтобы посетить выставку марок, отец редко, если вообще когда-либо, высовывал нос из дома.

– В котором часу это было, полковник?

– В четыре. Возможно, чуть раньше.

– Вы были в каретном сарае в... – инспектор Хьюитт глянул на наручные часы, – ... в течение пяти с половиной часов? С утра и до настоящего времени?

– Да, именно так, – сказал отец. Он не привык к тому, чтобы ему задавали вопросы, и, несмотря на то что инспектор этого не заметил, я слышала растущее раздражение в его голосе.

– Ясно. Вы часто ходите туда в это время суток?

Вопрос инспектора прозвучал небрежно, но я знала, что это не так.

– Нет, на самом деле нет, нет, – ответил отец. – К чему вы клоните?

Инспектор Хьюитт постучал ручкой по кончику носа, как будто собирался выносить вопрос на рассмотрение в парламент.

– Вы кого-нибудь видели?

– Нет, – сказал отец, – разумеется, нет. Ни одной живой души.

Инспектор Хьюитт оставил нос в покое, чтобы сделать заметку.

– Никого?

– Нет.

Как будто зная все наперед, инспектор издал легкий грустный вздох. С разочарованным видом он сунул записную книжку во внутренний карман.

– Один последний вопрос, полковник, если не возражаете, – внезапно сказал он, как будто ему что-то только что пришло в голову. – Что вы делали в каретном сарае?

Взгляд отца оторвался от окна, и его челюсти сжались. Потом он повернулся и посмотрел инспектору прямо в глаза.

– Я не готов ответить на этот вопрос, инспектор, – сказал он.

– Очень хорошо, – произнес инспектор. – Я полагаю...

В этот момент миссис Мюллет распахнула дверь своим обширным животом и вкатилась в комнату с нагруженным подносом.

– Я принесла вкусное маковое печенье, – сказала она, – печенье и чай и стаканчик молока для мисс Флавии.

Маковое печенье и молоко! Я ненавидела маковое печенье миссис Мюллет, как святой Петр ненавидел грех. А может быть, даже сильнее. Мне захотелось забраться с ногами на стол и, потрясая вилкой с наколотой сосиской, словно скипетром, закричать, подражая Лоуренсу Оливье: «Неужели никто не избавит нас от этой беспокойной кухарки?»

Но я этого не сделала. Я сохраняла тишину.

Сделав легкий реверанс, миссис Мюллет поставила свою ношу перед инспектором Хьюиттом и вдруг заметила отца, стоявшего у окна.

– О! Полковник де Люс! Надеюсь я, что вы появитесь. Я сказать вам хотела, что избавилась от птицы мертвой, которую нашли на крыльце мы вчера.

Миссис Мюллет где-то подцепила идею, что подобные инверсии в предложении не только своеобразны, но даже поэтичны.

Отец не успел сменить тему, как инспектор Хьюитт закусил удила.

– Мертвая птица на крыльце? Расскажите мне об этом, миссис Мюллет.

– О, сэр, мы с полковником и мисс Флавией на кухне были. Я только что вынула чудесный кремовый торт из духовки и на подоконник охладиться его поставила. В это время дня я уже начинаю думать о возвращении домой к Альфу. Альф – это муж мой, сэр, и он не любит, чтобы я где-то бродила, когда приходит для чая время. Говорит, что у него в животе начинает бурчать, если нарушить режим. Пищеварение нарушается, и проблемы начинаются. Тазики, швабры и всякое такое.

– В котором часу это было, миссис Мюллет?

– Около одиннадцати или минут на пятнадцать позже. Я прихожу на четыре часа утром, с восьми до двенадцати, и на три днем, с часу до четырех. Хотя, – добавила она, бросив неожиданно мрачный взгляд на отца, – обычно я задерживаюсь, занимаясь тем-сем.

– А птица?

– Птица лежала на крыльце, мертвая, как камень. Бекас, вот кто это был, бекас. Бог знает, сколько я их приготовила на своем веку, чтобы ошибиться. Напугал меня до полусмерти. Лежал там на спине, перья подрагивают на ветру, как будто его кожа еще живая, хотя сердце уже мертвое. Вот что я сказала Альфу. Я сказала: «Эта птица лежала там, как будто ее кожа была еще живая...»

– У вас очень острый глаз, миссис Мюллет, – перебил ее инспектор Хьюитт, и она надулась от гордости, словно индюшка. – Что-нибудь еще?

– Да, сэр, на его клюв была наколота марка, как будто он принес ее во рту, как аист носит ребенка в пеленках, если вы понимаете, что я имею в виду, но, с другой стороны, совсем не так.

– Марка, миссис Мюллет? Какая марка?

– Почтовая марка, сэр, но не из тех, что вы можете увидеть сегодня. О нет, совсем не такая. Эта марка была с головой королевы. Не ее королевского величества, нашей королевы, благослови ее Господь, а старой королевы... как же ее звали... королевы Виктории. Во всяком случае, она была бы, если бы клюв птицы не проткнул марку в том самом месте, где должно быть ее лицо.

– Вы уверены насчет марки?

– Вот вам крест, сэр. Альф коллекционировал марки в молодости и до сих пор хранит остатки коллекции в коробке из-под печенья под кроватью в комнате наверху. Он не так часто вынимает их посмотреть, как в те годы, когда мы были моложе, – говорит, что начинает печалиться. Тем не менее я в состоянии узнать «Пенни Блэк», когда я ее вижу, вне зависимости от того, проткнул ее птичий клюв или нет.

– Благодарю вас, миссис Мюллет, – сказал инспектор Хьюитт, угощаясь маковым печеньем, – вы нам очень помогли.

Миссис Мюллет снова присела в реверансе и направилась к выходу.

– Забавно, сказала я Альфу. Я сказала, в Англии редко можно увидеть бекаса до сентября. Сколько бекасов мне довелось насадить на вертел и зажаренными подать на стол на ломте хлеба. Мисс Харриет, благослови Господь ее душу, ничто не любила больше, чем...

Позади меня послышался стон, и я обернулась как раз, чтобы увидеть, как отец согнулся пополам, как складной стул, и соскальзывает на пол. Должна сказать, что инспектор Хьюитт отлично отреагировал. Он вмиг подскочил к отцу, приложил ухо к груди, расслабил галстук, давая доступ воздуху. Я поняла, что он не спал на занятиях по оказанию первой помощи. Еще через мгновение он распахнул окно, приложил указательный и безымянный пальцы к нижней губе и свистнул. Я бы отдала гинею, чтобы научиться так свистеть.

– Доктор Дарби! – крикнул он. – Идите сюда, пожалуйста! Быстро! И захватите чемоданчик.

Что касается меня, я продолжала стоять, прижимая руки ко рту, когда доктор Дарби вбежал в комнату и опустился на колени около отца. Быстро осмотрев его, он достал из чемоданчика маленький синий пузырек.

– Обморок, – сказал он инспектору Хьюитту, миссис Мюллет и мне. – Имею в виду, он потерял сознание. Не о чем беспокоиться.

Уфф!

Он открыл пузырек, и за те несколько секунд, пока подносил его к носу отца, я определила знакомый запах – это был мой старый друг карбонат аммиака, или, как я его называла, когда мы были вместе в лаборатории, нюхательная соль, или просто соль. Я знала, что *sal ammoniac* получила название от места, неподалеку от которого была впервые обнаружена, – храма бога Амона в Древнем Египте, где ее нашли в моче верблюда. И я знала, что позже, в Лондоне, был запатентован способ, благодаря которому нюхательную соль можно извлечь из патагонского гуано[14 - Гуа?но – разложившиеся естественным образом остатки помета морских птиц и летучих мышей.].

Химия! Химия! Как я ее люблю!

Доктор Дарби продолжал держать пузырек у носа моего отца, который чихнул, словно бык в поле, и его веки приподнялись, словно ставни. Но он не произнес ни слова.

– Ха! Добро пожаловать к живущим! – сказал доктор, когда отец в замешательстве попытался опереться на локоть. Несмотря на свой бодрый тон, доктор Дарби поддерживал отца, словно новорожденного. – Подождите немного, пока вы не соберетесь с чувствами. Полежите минутку на этом старом эксминстерском ковре.

Инспектор Хьюитт стоял с серьезным видом рядом, пока не понадобилось помочь отцу подняться на ноги.

Тяжело опираясь на руку Доггера – Доггера тоже позвали на помощь, – отец осторожно спустился по лестнице в свою комнату. Дафна и Фели обозначили свое присутствие – на самом деле просто продемонстрировали парочку бледных лиц за перилами.

Миссис Мюллет, торопившаяся на кухню, остановилась и заботливо положила руку мне на плечо.

– Тебе понравился торт, детка? – спросила она.

Я забыла о торте.

– Умм, – промычала я.

Инспектор Хьюитт и доктор Дарби уже вернулись в огород, когда я медленно направилась по лестнице в лабораторию. С некоторой печалью и чуть ли не чувством утраты я наблюдала, как из-за угла дома появились два санитар из «скорой помощи» и начали укладывать тело незнакомца на брезентовые носилки. В отдалении Доггер двигался по направлению от фонтана Балаклава к восточной лужайке, усердно срезая бутоны «Леди Хиллингдон».

Все были заняты; с некоторой долей удачи я могла сделать то, что мне надо было, и вернуться до того, как кто-нибудь обнаружит мое отсутствие.

Я скользнула вниз по лестнице и наружу через переднюю дверь, вытащила «Глэдис», мой древний велосипед марки BSA, спрятанный за каменной урной, и через несколько минут изо всех сил жала на педали, направляясь в сторону Бишоп-Лейси.

Что за имя упомянул отец?

Твайнинг. «Старик Каппа». И я точно знала, где его найти.

Открытая библиотека Бишоп-Лейси располагалась в Коровьем переулке, – узкой, тенистой, усаженной деревьями тропинке, спускавшейся с Хай-стрит вниз к реке. Первоначально здание было скромной георгианской постройкой из черного камня, фотография которой однажды появилась на цветной обложке «Сельской

жизни». Его подарил жителям Бишоп-Лейси лорд Маргейт, местный парнишка, который преуспел и уехал навстречу славе и богатству в качестве единственного поставщика «Бифчипс», первоклассного баночного пива своего собственного изобретения, правительству ее королевского величества во время англо-бурской войны 1899–1902 годов.

Библиотека являла собой оазис тишины до 1939 года. Затем, будучи закрытой на реконструкцию, стала жертвой пожара, когда внезапно воспламенились художественные полотна, как раз в тот момент, когда мистер Чемберлен[15 - Невилл Чемберлен – представитель династии Чемберленов, из которой вышел ряд британских политиков, государственный деятель, лидер консервативной партии, премьер-министр в 1937–1940 гг.] вещал британскому народу свое знаменитое: «Пока война не началась, всегда остается надежда, что ее можно предотвратить». Поскольку все взрослое население Бишоп-Лейси собралось у радиоприемников, никто, включая шесть членов добровольной пожарной охраны, не заметил огонь, пока не стало слишком поздно. К тому времени как они прибыли с ручным насосом, от библиотеки ничего не осталось, кроме кучи горячего пепла. К счастью, все книги уцелели, поскольку временно были переданы на хранение в другие места.

Но из-за вспыхнувшей войны и затем общей усталости во время перемирия оригинальное здание так и не было восстановлено. На его месте осталась поросшая сорняком лужайка на Кейтер-стрит, прямо за углом «Тринадцати селезней». Этот участок, отданный в бессрочное владение жителям Бишоп-Лейси, нельзя было продать, и постоянным пристанищем Открытой библиотеки стал дом в Коровьем переулке.

Свернув с Хай-стрит, я увидела библиотеку, низкую коробку из стекла и кирпича, построенную в 1920 году в качестве автосалона. Несколько старых эмалевых эмблем, на которых были написаны названия уже не существующих марок автомобилей, как то: «Уолсли» и «Шеффилд-симплекс», до сих пор крепились к стене под крышей, слишком высоко, чтобы стать добычей воров или вандалов.

Теперь, четверть века после того, как последняя «лагонда» выехала из этих стен, здание, словно старая посуда в квартире прислуги, поистерлось и потрескалось.

Позади библиотеки ряды приходящих в упадок флигелей и построек, словно надгробные камни, окружали сельскую церковь среди высокой травы, между

старым автосалоном и заброшенной тропинкой, идущей вдоль реки. В нескольких из этих убогих построек хранился избыток книг из давно погибшего георгианского предшественника, который был значительно больше. Временные хибарки, некогда служившие автомастерскими, теперь стали приютом для множества ненужных книг, разложенных по содержанию: история, география, философия. Еще пахивавшие старым моторным маслом, ржавчиной и примитивными ватерклозетами, эти деревянные гаражи именовались книгохранилищами – и я понимала почему! Я часто приходила сюда почитать, и после химической лаборатории в Букшоу это было мое любимое место на земле.

Я думала об этом, когда подъехала к главной двери и повернула ручку.

– О черт! – воскликнула я. Дверь была заперта.

Подойдя к окну, чтобы заглянуть внутрь, я заметила прилепленную на стекло бумажку с корявой надписью от руки, написанной черным карандашом: «Закрыто».

Закрыто? Сегодня суббота. Библиотека работает с десяти утра до полтретьего дня, со вторника по субботу – так гласит табличка в черной рамке рядом со входом.

Что-то случилось с мисс Пикери?

Я подергала дверь, потом постучала сильнее. Приложила сложенные домиком ладони к стеклу и попыталась увидеть, что внутри, но за исключением луча солнечного света, падавшего сквозь клубы пыли на полки с книгами, ничего не высмотрела.

– Мисс Пикери! – позвала я, но ответа не было.

– О черт! – снова сказала я. Мне придется отложить изыскания до следующего раза. Пока я стояла в Коровьем переулке, мне пришло в голову, что рай – это место, где библиотека открыта двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Нет... восемь дней в неделю.

Я знала, что мисс Пикери живет на Сапожной улице. Если оставить велосипед тут и прогуляться мимо флигелей за библиотеку, я выйду позади «Тринадцати селезней» и окажусь прямо около ее дома.

Я осторожно пробралась сквозь высокую мокрую траву, стараясь не зацепиться за гниющие обломки ржавого железа, разбросанные там и сям, словно кости динозавров в пустыне Гоби. Дафна описала мне симптомы столбняка – одна царапина о старое колесо автомобиля – и у меня пойдет пена изо рта, начну лаять, как собака, и падать на землю в конвульсиях. Я как раз набрала полный рот слюны, чтобы потренироваться, и тут услышала голоса.

– Но как ты могла ему позволить, Мэри? – Голос молодого человека донесся с внутреннего двора.

Я прижалась к дереву, затем аккуратно выглянула. Говорил Нед Кроппер, молодой разнорабочий из «Тринадцати селезней».

Нед! Одна мысль о нем действовала на Офелию как укол новокаина. Она вбила себе в голову, что он вылитый Дирк Богарт, но единственным сходством между ними было наличие рук, ног и копны набриолиненных волос.

Нед сидел на бочке из-под пива рядом со входом в дом, а девушка, в которой я узнала Мэри Стокер, сидела на соседней бочке. Они не смотрели друг на друга. Нед выкопал каблуком уже приличную ямку в земле, Мэри сильно сжимала сложенные на коленях руки, устремив взгляд в никуда.

Хотя Нед говорил настойчивым приглушенным голосом, я отлично слышала каждое слово. Оштукатуренная стена «Тринадцати селезней» служила отличным отражателем звука.

– Я же тебе сказала, Нед Кроппер, я ничего не могла поделать, ясно? Он подошел сзади, пока я перестилала простыни.

– Почему ты не закричала? Я знаю, ты и мертвого разбудишь... когда захочешь.

– Ты что, плохо знаешь моего отца? Если бы он узнал, что наделал тот парень, он бы обнаружил мой тайник с резиновыми сапогами!

Она плюнула на землю.

– Мэри! – Откуда-то из дома донесся голос, прокатившись громом по всему двору. Это был отец Мэри, Тулли Стокер, хозяин постоянного двора, чей неестественно громкий голос сыграл значительную роль в нескольких самых скандальных историях, о которых сплетничали старые леди в деревне.

– Мэри!

При звуке этого голоса Мэри вскочила на ноги.

– Иду! – крикнула она. – Я иду!

Она заколебалась, словно принимая какое-то решение. Внезапно она змеей бросилась к Неду и коротко поцеловала его в губы, потом скрылась в темноте двери, взмахнув передником, словно торжествующий завоеватель плащом.

Нед посидел еще немного, потом вытер рот тыльной стороной руки и покатил бочонок к остальным пустым емкостям, сгрудившимся у дальней стороны двора.

– Привет, Нед! – закричала я, и он в замешательстве обернулся. Я знала, что он прикидывает, слышала ли я его разговор с Мэри и видела ли поцелуй. Я решила сохранить неопределенность.

– Приятный день, – продолжила я со слащавой улыбкой.

Нед поинтересовался моим здоровьем, а затем, в порядке почтительной очередности, здоровьем отца и Дафны.

– Они в порядке, – ответила я.

– А мисс Офелия? – спросил он, наконец дойдя до нее.

– Мисс Офелия? Ну-у, сказать по правде... Нед, мы сильно беспокоимся о ней.

Нед пошатнулся, будто у него под носом пролетела оса.

– Да? А что случилось? Надеюсь, ничего серьезного?

– Она вся позеленела, – поведала я. – Думаю, это хлороз[16 - Хлороз – разновидность малокровия.]. Доктор Дарби думает так же.

В «Словаре простонародного языка» выпуска 1811 года Фрэнсис Гроуз назвал хлороз «любовной лихорадкой» и «болезнью девственниц». Я знала, что у Неда не было такого свободного доступа к книге капитана Гроуза, как у меня. И мысленно пожала сама себе руку.

– Нед!

Это снова был Тулли Стокер. Нед сделал шаг к двери.

– Скажите ей, что я справлялся о ее здоровье.

Я сделала ему черчиллевский знак V двумя пальцами. Это было самое малое, что я могла сделать.

Сапожная улица, как и Коровий переулок, спускались от Хай-стрит к реке. Коттедж мисс Пикери в тюдоровском стиле, стоявший на полпути, выглядел так, будто его собрали из пазлов. С соломенной крышей и побеленными известкой стенами, блестящими оконными стеклами и красной голландской дверью[17 - Голландская дверь – дверь, разделенная на верхнюю и нижнюю половины, каждая из которых может открываться и закрываться отдельно.], он был отрадой для художника, его наполовину деревянные стены плыли, словно чудной старинный корабль, по морю старомодных цветов – анемонов, шток-роз, левкоев, кентерберийских колокольчиков и других, названия которых я даже не знала.

Роджер, рыжий кот мисс Пикери, выкатился на переднем крыльце и подставил мне брюхо для почесывания. Я повиновалась.

– Хороший мальчик, Роджер, – сказала я. – Где мисс Пикери?

Роджер медленно отошел от меня в поисках чего-нибудь интересенького, а я постучала в дверь. Никто не ответил.

Я обошла дом и оказалась в огороде. Никого.

Вернувшись на Хай-стрит, задержавшись у окна аптеки и поразглядывая засиженные мухами пузырьки, я уже пересекала Коровий переулок, когда случайно глянула влево и заметила, что кто-то входит в библиотеку. Я бросилась туда со всех ног. Но когда добежала до двери, кто бы это ни был уже вошел внутрь. Я дернула ручку, и на этот раз дверь открылась.

Женщина убирала сумочку в ящик и устраивалась за столом, и я поняла, что никогда раньше ее не видела. Ее лицо было сморщенным, как позабытое яблоко, которое ты случайно обнаружил в кармане прошлогоднего зимнего пальто.

– Да? – сказала она, всматриваясь поверх очков, – любимый прием выпускниц Королевской академии библиотечных наук. Я заметила, что стекла очков имеют легкий сероватый оттенок, будто их на ночь замочили в уксусе.

– Я ожидала увидеть мисс Пикери, – произнесла я.

– Мисс Пикери пришлось уехать по семейным делам.

– О! – сказала я.

– Да, очень печальные дела. С ее сестрой Хетти, она живет в Незер-Вулси, случилось несчастье. Повредила палец швейной машинкой. Первые несколько дней думали, что все обойдется, но потом дело приняло неожиданный оборот, судя по всему, есть реальная опасность, что она лишится пальца. Такой кошмар, а ведь у нее близнецы... Мисс Пикери, конечно...

– Разумеется, – сказала я.

– Меня зовут мисс Маунтджой, и я с радостью помогу вам вместо нее.

Мисс Маунтджой! Ушедшая на пенсию мисс Маунтджой! Я слышала рассказы о «мисс Маунтджой и королевстве кошмаров». Она была главным библиотекарем

Открытой библиотеки Бишоп-Лейси в те далекие времена, когда Ной был моряком. Снаружи сама доброта, а внутри – «дворец злобы». Ну, примерно так мне рассказывали. (Снова миссис Мюллет, любительница детективных романов.) Жители деревни до сих пор возносят молитвы, чтобы она не вернулась на прежнее место.

– Чем могу помочь, дорогушенька?

Если есть на свете то, что я презираю больше всего, так это обращение «дорогушенька». Когда я буду писать *opus magnum*, труд моей жизни – «Трактат обо всех ядах» и дойду до главы «Цианид», я собираюсь в разделе «Способы применения» указать: «Особенно эффективен для лечения тех, кто обращается к вам “дорогушенька”».

Но одно из моих жизненных правил – это: «Когда тебе что-то надо, держи язык за зубами».

Я слабо улыбнулась и попросила:

– Я бы хотела посмотреть папки с газетами.

– Папки с газетами! – прожурчала она. – Мой бог, а ты много знаешь, не так ли, дорогушенька?

– Да, – созналась я, пытаюсь выглядеть скромно. – Знаю.

– Газеты расположены в хронологическом порядке на полках в комнате Драммонда, это в западной задней части, налево, наверх по лестнице, – сказала она, взмахнув рукой.

– Благодарю вас, – сказала я, потихоньку отступая к лестнице.

– Если, конечно, тебе не нужно что-то более старое, чем прошлый год. Старые газеты хранятся в одном из флигелей. Какой конкретно год ты ищешь?

– Я толком не знаю... – промямлила я. Но минуточку! Я знаю! Что там сказал незнакомец в кабинете отца? «Твайнинг – Старик Каппа мертв... все эти

тридцать лет». – Тысяча девятьсот двадцатый, – сказала я голосом холодным, как рыба. – Я бы хотела посмотреть ваш архив за тысяча девятьсот двадцатый год.

– Он, скорее всего, в ремонтном гараже – если, конечно, крысы до него еще не добрались, – сказала она, бросив на меня косой взгляд поверх очков, как будто при упоминании крыс я должна убежать с воплями.

– Я найду его, – заявила я. – Ключ есть?

Мисс Маунтджой тщательно исследовала ящик стола и выкопала кольцо с железными ключами, выглядевшими так, словно они когда-то принадлежали тюремщикам Эдмона Дантеса из «Графа Монте-Кристо». Я радостно ими позвенела и вышла за дверь.

Ремонтный гараж находился от главного здания библиотеки дальше остальных построек.

Это было хилое сооружение из дряхлых деревянных досок и ржавой жести, расположенное прямо на берегу реки и заросшее мхом и вьюнком. Во времена расцвета автосалона здесь действительно был гараж, где меняли масло и шины, смазывали оси и производили обслуживание машин.

С тех пор по причине заброшенности и воздействия непогоды это место превратилось в нечто, напоминающее лесную хижину отшельника.

Я повернула ключ, и дверь распахнулась с ржавым скрипом. Я вступила в полумрак, остерегаясь выступающих частей механизмов из смотровой ямы, которая хотя и была прикрыта тяжелыми досками, все же занимала много места.

В помещении висел острый мускусный запах с оттенком аммиака, словно под досками пола жили маленькие зверьки.

Половину ближайшей к Коровьему переулку стены занимала раздвижная дверь, сейчас запертая, а раньше она откатывалась в сторону, чтобы автомобиль мог въехать и расположиться над смотровой ямой. Стекла в четырех окнах по непостижимым причинам были окрашены в жуткий красный цвет, и солнечные

лучи, просачиваясь внутрь, придавали помещению неуютный кровавый оттенок.

Вдоль остальных трех стен возвышались, словно каркасы двухъярусных кроватей, деревянные полки, на каждой были сложены высокие стопки пожелтевших газет – «Хроники Хинли», «Объявления западных графств», «Утренний почтовой», все разобранные по годам и снабженные бирками, подписанными выцветшими чернилами.

Я с легкостью нашла тысяча девятьсот двадцатый год. Сняла с полки кипу газет, чихая от поднявшегося облака пыли, полетевшей мне в лицо, словно мука при взрыве на мельнице, – крошечные кусочки газетной бумаги снегом посыпались на пол.

Ванная и губка сегодня вечером, подумала я, нравится мне это или нет.

Маленький деревянный столик стоял у запачканного сажей окна – света и места едва хватало, чтобы развернуть и прочитать одну газету.

Мое внимание привлек «Утренний почтовой» – газетенка, на первой странице которой по примеру лондонской «Таймс» теснились рекламные анонсы, выдержки из новостей и объявления о смерти:

«Потерян: коричневый бумажный сверток, перевязанный бечевкой.

Дорог как память огорченному владельцу. Просьба вернуть за щедрое вознаграждение.

Эппли Смит, Уайт Харт, Вулвертон, до востребования».

Или такое:

«Дорогому: Он следил за нами. В то же время в следующий вторник.

Принеси мыльный камень. Бруно».

И тут я неожиданно вспомнила! Отец учился в Грейминстере... А разве Грейминстер не возле Хинли? Я бросила «Утреннего почтового» на место и стащила с полки первую из четырех стопок «Хроник Хинли».

Эта газета выходила еженедельно, по пятницам. Первой пятницей того года был Новый год, поэтому первый выпуск датировался 8 января 1920 года.

Страница за страницей праздничные новости – рождественские гости с континента, отложенное собрание дамского общества, «упитанный поросенок» на продажу, день рождественских подарков пройдет в ассоциации фермеров, от подводы пивовара отвалилось колесо.

Судебные разбирательства в марте оказались мрачным перечнем грабежей, браконьерства и нападений.

Я продолжала читать, мои руки почернели от краски, высохшей за двадцать лет до моего рождения. Лето принесло еще больше приезжих с континента, ярмарки, требуются рабочие, лагеря бойскаутов, два праздника и дорожные работы.

После часа поисков я уже начинала отчаиваться. Читавшие это люди, должно быть, имели нечеловеческое зрение, шрифт был до ужаса мелкий. Еще немного, и я заработаю пульсирующую головную боль.

И тут я нашла:

Любимый школьный учитель разбился насмерть

Вследствие трагического инцидента утром в понедельник Гренвиль Твайнинг, магистр гуманитарных наук (Оксфорд), семидесяти двух лет, преподаватель латыни и почтенный заведующий пансионом при школе Грейминстер, близ Хинли, упал с часовой башни грейминстерского Энсон-Хауса. Знакомые с фактами описывают происшествие как «просто необъяснимое».

“Он забрался на парапет, подобрал мантию и изобразил ладонью римский салют[18 - Римский салют – приветственный жест, когда руку вытягивают прямо вперед, ладонью вниз, пальцы сжаты. Как вариант рука может быть под углом. Это приветствие приписывается древним римлянам, хотя фактического подтверждения этому нет.]. “Vale!” – крикнул он мальчикам в школьном дворе, – рассказал Тимоти Грин из шестого класса. – И затем он упал!”

Vale? Мое сердце екнуло. Это же самое слово выдохнул мне в лицо умирающий. «Прощайте»[19 - Vale – лат. прощайте, от глагола valeo.]. Это не могло быть совпадением, не так ли? Очень странно. Здесь должна быть какая-то связь – но какая?

Черт! Мой мозг работал как сумасшедший, но безрезультатно. Ремонтный цараж вряд ли был подходящим местом для размышлений, я подумаю об этом позже.

Я продолжила читать:

«“Его мантия трепетала, словно крылья падающего ангела”, – сказал Тоби Лонсдейл, розовощекий парень, едва не разрыдавшийся, когда его уводили товарищи, пока он не поддался чувствам и не дал волю слезам.

Мистера Твайнинга недавно допрашивала полиция по делу о пропавшей почтовой марке – уникальной и баснословно ценной версии “Пенни Блэк”.

“Здесь нет никакой связи, – заявил доктор Исаак Киссинг, служивший директором Грейминстера с 1915 года. – Абсолютно никакой связи. Мистера Твайнинга глубоко уважали и, если можно так выразиться, любили все, кто его знал”,

“Хроники Хинли” выяснили, что полиция продолжает расследовать оба этих дела».

Газета датировалась 24 сентября 1920 года.

Я вернула газеты на полку, вышла наружу и заперла за собой дверь. Мисс Маунтджой празднично сидела за столом, когда я вернула ей ключи.

– Ты нашла, что искала, дорогушенька? – спросила она.

– Да, – ответила я, делая целое представление из отряхивания рук от пыли.

– Могу я задать тебе еще пару вопросов? – жеманно продолжила она. – Может быть, я смогу направить тебя к нужным материалам.

Перевод: она погибала от любопытства.

– Нет, спасибо, мисс Маунтджой, – поблагодарила я.

Неожиданно я почувствовала, будто мое сердце вырвали из груди и заменили подделкой из свинца.

– Ты в порядке, дорогушенька? – спросила мисс Маунтджой. – Ты выглядишь измученной.

Может быть, виновата была нервозность или это была бессознательная попытка сдержать тошноту, но, к своему ужасу, я обнаружила, что выпаливаю:

– Вы когда-нибудь слышали о мистере Твайнинге из школы Грейминстер?

Она задохнулась. Лицо покраснело, потом посерело, как огонь вспыхивает и затем угасает в пепел. Она извлекла кружевной носовой платочек из рукава, смяла его и засунула в рот, и несколько секунд сидела, раскачиваясь, в кресле, сжимая кружево зубами, словно матрос в восемнадцатом веке, которому должны ампутировать ногу.

Наконец она взглянула на меня полными слез глазами и дрожащим голосом произнесла:

– Мистер Твайнинг был братом моей матери.

6

Мы пили чай. Мисс Маунтджой откуда-то достала помятый оловянный чайник, покопавшись в сумочке, добыла грязный пакетик чая «Пик Фринс».

Я сидела на маленькой библиотечной стремянке и угощалась печеньем.

– Такая трагедия, – рассказывала она. – Мой дядя был заведующим пансионом Энсон-Хаус целую вечность – или так казалось. Он очень гордился своей школой и своими мальчиками. Он не жалел усилий, чтобы побудить их всегда хорошо учиться, подготовиться к жизни.

Он часто шутил, что говорит по-латыни лучше, чем сам Юлий Цезарь, и его учебник по латинской грамматике, – *Lingua Latina* Твайнинга, – опубликованный, когда ему было лишь двадцать четыре года, кстати, был образцовым учебником в школах по всему миру. Я до сих пор храню экземпляр рядом с кроватью, и, хотя мало что могу прочесть, я иногда люблю брать его в руки, он дарит мне уют: *qui, quae, quod* и тому подобное. Эти слова звучат так успокаивающе.

Дядя Гренвиль все время что-то организовывал в школе: дискуссионный клуб, лыжный кружок, клуб велосипедистов, общество любителей роббера[20 - Роббер – карточная игра.]. Сам он был страстным фокусником-любителем, хотя и не очень хорошим – вы всегда могли заметить его ухищрения. Он с энтузиазмом коллекционировал марки и научил мальчиков интересоваться историей стран, выпускающих марки. И это привело к его гибели.

Я перестала жевать и выжидательно села. Мисс Маунтджой, похоже, погрузилась в грезы наяву и вряд ли продолжила бы без поощрения.

Постепенно я подпала под ее чары. Она говорила со мной как женщина с женщиной, и я поддалась. Мне стало жаль ее... действительно жаль.

– К его гибели? – переспросила я.

– Он совершил большую ошибку, оказав доверие нескольким негодным мальчишкам, вкравшимся в его милость. Они притворились, что их интересует его коллекция марок, и изобразили еще больший интерес к коллекции доктора Киссинга, директора. В то время доктор Киссинг считался самым большим в мире авторитетом по маркам «Пенни Блэк» – самой первой почтовой марки в мире – во всех ее вариациях. Коллекция Киссинга была предметом зависти – и я говорю это обдуманно – во всем мире. Эти злобные создания убедили дядю Гренвиля выступить посредником и устроить частный просмотр коллекции доктора.

Во время изучения главной жемчужины коллекции, совершенно особенной «Пенни Блэк» – не помню подробности, – марку уничтожили.

– Уничтожили? – спросила я.

– Сожгли. Один из мальчиков поджег ее. Он хотел пошутить.

Мисс Маунтджой подняла чашку с чаем и, словно прядь тумана, отплыла к окну, где простояла, как мне показалось, очень долго. Я начала думать, что она забыла обо мне, и тут она снова заговорила:

– Конечно, в несчастье обвинили моего дядю...

Она повернулась и взглянула мне в глаза.

– А конец истории ты сегодня утром узнала в ремонтном гараже.

– Он покончил с собой, – сказала я.

– Он не покончил с собой! – воскликнула она. Чашка с блюдцем выпали у нее из рук и разбились вдребезги. – Его убили!

– Кто его убил? – спросила я, беря себя в руки и даже умудрившись грамматически правильно сформулировать вопрос. Мисс Маунтджой снова начала раздражать меня.

– Эти чудовища! – плюнула она. – Эти отвратительные чудовища!

– Чудовища?

– Эти мальчишки! Они убили его так же верно, как если бы взяли клинок в руки и всадили ему в сердце.

– Кто они были, эти мальчишки... эти чудовища, имею в виду? Вы помните, как их звали?

– Зачем тебе знать? Какое право ты имеешь беспокоить эти призраки?

– Я интересуюсь историей, – ответила я.

Она провела рукой перед глазами, словно приказывая себе выйти из транса, и заговорила медлительным голосом женщины, находящейся под воздействием лекарств:

– Это было так давно... Очень давно. Я вряд ли вспомню... Дядя Гренвиль называл их имена, перед тем как он...

– Был убит? – подсказала я.

– Да, верно, перед тем как его убили. Странно, не так ли? Все эти годы одно имя помнилось мне лучше всего, потому что напоминало мне обезьянку... обезьянку на цепочке, знаешь, с шарманкой, в маленькой круглой красной шапочке и с жестяной баночкой.

Она неловко нервно хохотнула.

– Джако? – предположила я.

Мисс Маунтджой тяжело села, словно ее сбили с ног. Она уставилась на меня с ошарашенным видом, как будто я только что материализовалась из другого измерения.

– Кто ты, девочка? – прошептала она. – Зачем ты сюда пришла? Как тебя зовут?

– Флавия, – сказала я, на миг остановившись в дверях, – Флавия Сабина Долорес де Люс.

Сабина было мое настоящее имя, а Долорес я изобрела прямо на месте.

До тех пор пока я не спасла ее от забвения и ржавчины, моя трехскоростная спортивная игрушка годами тосковала в сарае для инструментов в компании разбитых цветочных горшков и деревянных тележек. Как и многие другие вещи в Букшоу, когда-то она принадлежала Харриет, назвавшей ее L'Hirondelle, по-французски «Ласточкой». Я переименовала ее в «Глэдис».

Шины «Глэдис» были плоскими, шестерни сухими до слез и просившими масла, но со своим собственным переносным насосом для шин и черной кожаной сумкой для инструментов под седлом она была полностью самодостаточна. С помощью Доггера я вскоре привела ее в идеальное состояние. В сумке для инструментов я обнаружила брошюру «Велосипедная езда для женщин всех возрастов» Прюеллы Стэк, главы женской лиги здоровья и красоты. На обложке было написано черными чернилами красивым летящим почерком – Харриет де Люс, Букшоу.

Были времена, когда Харриет никуда не исчезала – она оставалась повсюду.

По пути домой, мимо покосившихся, покрытых мхом надгробий на загроможденном церковном кладбище Святого Танкреда, по узким, усыпанным листвой переулкам, по известковой Хай-роуди в открытое поле я позволила «Глэдис» ехать по ее усмотрению, спускаясь по склонам мимо тростниковых изгородей, представляя все время, что я пилот «Спитфайра», который лишь пять лет назад носился по этим самым местам, словно ласточка, прилетевшая в Литкот.

Из брошюры я узнала, что, если ездить на велосипеде с прямой, как кочерга, спиной, как мисс Галч из фильма «Волшебник из страны Оз», выбирать участки дороги на пересеченной местности и глубоко дышать, я буду сиять здоровьем и никогда не буду страдать от прыщей: полезная информация, которой я не преминула поделиться с Офелией.

Существовала ли аналогичная брошюра, «Велосипедная езда для мужчин всех возрастов», гадала я. И если да, написал ли ее глава мужской лиги здоровья и красоты?

Я делала вид, что я мальчик, которого отец, должно быть, всегда хотел: сына он мог бы взять с собой в Шотландию на рыбалку и на охоту на куропаток в вересковых лесах, сына он мог бы отправить в Канаду заниматься хоккеем на льду. Не то чтобы отец занимался этими вещами, но мне нравилось думать, что, если бы у него был сын, он мог бы.

Моим вторым именем было бы Лоуренс, как у отца, и когда мы оставались бы вдвоем, он звал бы меня Ларри. Как он, должно быть, жестоко разочаровался, когда все мы оказались девочками.

Была ли я слишком жестокой с мисс Маунтджой? Слишком мстительной? Разве она не была, в конце концов, просто безвредной одинокой старой девой? Был бы Ларри де Люс более отзывчив?

– Черта с два! – прокричала я навстречу ветру и запела:

Умба-чукка! Умба-чукка!

Умба-чукка-бум!

Но я чувствовала себя отчаянным скаутом лорда Баден-Пауэлла[21 - Полковник Роберт Баден-Пауэлл – основатель скаутского движения. В 1907 году организовал первый лагерь на острове Браунси (Великобритания), а в 1908 году издал всемирно известную книгу *Scouting for boys.*], не больше, чем принцем Ник-Наком из фильма «Али Казаам».

Это я. Это Флавия. И я любила себя, пусть даже никто больше меня не любил.

– Приветствуйте Флавию! Да здравствует Флавия! – кричала я, когда мы с «Глэдис» проносились на максимальной скорости через малфордские ворота на обсаженную каштанами аллею, отмечавшую подъезд к Букшоу.

Эти величественные ворота со стоящими на задних лапах грифонами и филигранной ковкой из черного железа некогда украшали расположенное по соседству имение Батчли, родовое поместье «грязных Малфордов». В 1706 году ими завладел для украшения Букшоу тот самый Брэндуин де Люс, который, после того как один из Малфордов сбежал с его женой, снял ворота и привез их домой.

Обмен жены на ворота («Самые прекрасные по эту сторону Рая», – написал Брэндуин в дневнике), судя по всему, уладил дело, поскольку Малфорды и де Люсы оставались лучшими друзьями и соседями до тех пор, пока последний Малфорд, Тобиас, во время Гражданской войны в Америке продал усадьбу и уплыл на помощь своим кузенам-конфедератам.

– На одно слово, Флавия, – сказал инспектор Хьюитт, выходя из парадной двери.

Он ждал меня?

– Конечно, – милостиво согласилась я.

– Где ты сейчас была?

– Я арестована, инспектор? – Я пошутила, надеюсь, он понял.

– Просто интересуюсь.

Он извлек трубку из кармана пиджака, набил ее и зажег спичку. Я наблюдала, как она горела и догорела до его квадратных пальцев.

– Я ездила в библиотеку.

Он закурил трубку, затем ткнул чубуком в сторону «Глэдис».

– Я не вижу книг.

– Она закрыта.

– А-а, – протянул он.

В нем было сводящее с ума спокойствие. Даже расследуя убийство, он сохранял безмятежный вид человека, прогуливающегося по парку.

– Я поговорил с Доггером, – продолжил он, и я заметила, что он внимательно на меня смотрит, пытаюсь оценить мою реакцию.

– Ах да? – сказала я небрежно, но мой мозг кричал: «Опасность!»

Осторожно, подумала я. Следи за словами. О чем Доггер рассказал ему? О незнакомце в кабинете? О ссоре с отцом? Об угрозах?

В этом заключается проблема с людьми вроде Доггера: он мог потерять самообладание без всяких причин. Выболтал ли он инспектору о незнакомце в кабинете? Черт бы его побрал, Доггера! Черт бы его побрал!

– Он говорит, что ты разбудила его около четырех часов утра и сказала, что в огороде труп. Это верно?

Я сдержала вздох облегчения, чуть не подавившись в процессе. Спасибо тебе, Доггер! Да благословит тебя Господь и сохранит тебя и всегда пребудет с тобой! Старый добрый верный Доггер. Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

– Да, – ответила я, – это верно.

– Что произошло потом?

– Мы спустились по лестнице и через кухонную дверь вышли в огород. Я показала ему тело. Он опустился на колени и проверил пульс.

– И как он это сделал?

– Он положил руку ему на шею – под ухом.

– Хмм, – протянул инспектор. – И он там был? Имею в виду пульс.

– Нет.

– Откуда ты знаешь? Он тебе сказал?

– Нет, – сказала я.

– Хмм, – снова протянул он. – Ты тоже встала на колени рядом с телом, да?

– Думаю, что это возможно. Не уверена... Не помню.

Инспектор сделал пометки. Даже не видя их, я знала, что там написано. Сказал ли Д. Ф., что пульса нет? Видел ли, чтобы Ф. становилась на колени о. т. (около тела)?

– Это вполне понятно, – сказал он. – Должно быть, это было сильное потрясение.

Я вызвала в памяти образ незнакомца, лежавшего в первых лучах зари: легкая щетина на подбородке, пряди рыжих волос, едва колеблемые слабыми дуновениями утреннего ветерка, бледность, вытянутая нога, подрагивающие пальцы, тот последний жадный вдох. И слово, которое он выдохнул мне в лицо... Vale.

О, как это увлекательно!

– Да, – ответила я, – это было ужасно.

По всей видимости, я прошла тест. Инспектор Хьюитт ушел на кухню, где сержанты Вулмер и Грейвс планировали дальнейшие действия под шквалом сплетен и сэндвичей с латуком миссис Мюллет.

Когда Офелия и Дафна спустились к завтраку, я с разочарованием отметила необычную чистоту кожи у Офелии. Мое варево привело к противоположным результатам? Неужели я благодаря какой-то странной причуде химии произвела чудодейственный крем для лица?

Миссис Мюллет с ворчанием засуетилась, подавая нам суп и сэндвичи на стол.

– Это неправильно, – возмущалась она. – Я уже задерживаюсь из-за всей этой суматохи, а ведь Альф ждет, когда я вернусь, и все такое. Какая дерзость с их стороны, попросить меня добыть мертвого бекаса из помойки... – Она вздрогнула. – Чтобы они могли насадить его на палку и нарисовать. Это неправильно! Я проводила их к помойке и сказала, если они так хотят труп, то вполне могут откопать его самостоятельно, а мне надо готовить ланч. Ешьте сэндвичи, деточки. В июне нет ничего лучше холодного мяса – все равно что на пикник отправиться.

– Мертвый бекас? – переспросила Дафна, презрительно кривя губы.

– Да, мисс Флавия и полковник вчера нашли его на заднем крыльце. У меня до сих пор мурашки по коже. Как он там валялся, глаза застывшие, клюв торчит вверх, а на клюве наколота бумажка.

– Нед! – воскликнула Офелия, шлепнув по столу. – Ты была права, Даффи. Это знак любви!

На Пасху Дафна читала «Золотую ветку» и рассказала Офелии, что примитивные ритуалы ухаживания из Южных морей дожили до наших просвещенных времен. Это лишь вопрос терпения, говорила она.

Я тупо переводила взгляд с одной на другую. Периодически я совершенно не понимала своих сестер.

– Мертвая птица, жесткая, как доска, с торчащим клювом? Что это за знак такой? – поинтересовалась я.

Дафна спряталась за книгой, а Офелия слегка покраснела. Я выскользнула из-за стола и оставила их хихикать над супом.

– Миссис Мюллет, – спросила я, – вы не говорили инспектору Хьюитту, что мы никогда не видели бекасов в Англии до сентября?

– Бекасы, бекасы, бекасы! Последнее время я только и слышу об этих бекасах. Отойди в сторону, будь добра, ты стоишь там, где надо помыть.

– Почему? Почему мы не видим бекасов до сентября?

Миссис Мюллет выпрямилась, поставила щетку в ведро и вытерла мокрые руки о передник.

– Потому что они в другом месте, – торжествующе заявила она.

– Где?

– О, ты знаешь... они, как и все птицы, мигрируют. Они где-то на севере. Насколько я знаю, они могут пить чай с Санта-Клаусом.

– Что вы имеете в виду под «где-то на севере»? Шотландию?

– Шотландия! – презрительно сказала она. – О нет, дорогуша. Даже сестре моего Альфа, Маргарет, доводилось добираться до Шотландии во время каникул, а она не бекас... – Миссис Мюллет добавила: – Хотя ее муж бекас и есть.

У меня в ушах зашумело, потом щелкнуло.

– А Норвегия? – спросила я. – Могут бекасы проводить лето в Норвегии?

– Полагаю, что да, дорогая. Тебе надо посмотреть в книге.

Да! Разве инспектор Хьюитт не сказал доктору Дарби, что у них есть основания полагать, что незнакомец в саду приехал из Норвегии? Откуда они узнали? Сказал бы мне инспектор, если бы я спросила?

Вероятно, нет. Это дело мне придется разгадывать самостоятельно.

– Беги, детка, – сказала миссис Мюллет. – Я не могу уйти домой, пока не помою пол, а уже час дня. Пищеварение Альфа, должно быть, в ужаснейшем состоянии.

Я отошла к задней двери. Полиция и коронер уехали и забрали тело с собой, и огород теперь казался странно опустевшим. Доггера нигде не было видно, и я забралась на низкую часть стены, чтобы поразмыслить.

Действительно ли Нед оставил бекаса на крыльце в знак любви к Офелии? Она, кажется, убеждена в этом. Но если это сделал Нед, где он взял бекаса?

Две с половиной секунды спустя я схватила «Глэдис», перекинула ногу через седло и второй раз за день помчалась как ветер в деревню.

Скорость играла существенную роль. Никто в Бишоп-Лейси еще не знал о смерти незнакомца. Полиция не скажет ни одной живой душе, и я тоже.

Сплетня распространится не раньше, чем миссис Мюллет домоет пол и пойдет в деревню. Но, как только она вернется домой, новость об убийстве в Букшоу распространится, словно чума. До этого времени я должна выяснить то, что мне надо.

7

Когда я затормозила и прислонила «Глэдис» к куче бревен, Нед еще работал во дворе. Он управился с бочками из-под пива и теперь медленно выгружал сырные головки размером с мельничный жернов из припаркованного грузовика.

– Привет, Флавия, – сказал он, увидев меня и хватаясь за возможность отложить работу. – Хочешь немного сыру?

Не успела я ответить, как он вынул из кармана угрожающего вида нож и с пугающей ловкостью отрезал кусок стилтона. Потом отрезал кусок для себя и вгрызся в него, как выразилась бы Дафна, «с чавкающим вкусом». Дафна собирается стать писательницей и выписывает в старую бухгалтерскую книгу фразы из романов, производящие на нее впечатление. Я обратила внимание на «чавкающий вкус», когда последний раз подсматривала, что она читает.

– Была дома? – спросил Нед, бросив на меня косой застенчивый взгляд. Я видела, к чем он клонит, и кивнула.

– И как мисс Офелия? Доктор приходил?

– Да, – сказала я, – полагаю, он был сегодня утром.

Нед полностью проглотил наживку.

– Она до сих пор зеленая, да?

– Теперь скорее желтая, – ответила я. – Оттенок скорее серы, чем купрума.

Я выучила, что ложь, скрытая подробностями, как горькая пилюля сахаром, проходит намного легче. Но на этот раз, едва произнеся это, я поняла, что перестаралась.

– Эх, Флавия! – сказал Нед. – Ты водишь меня за нос.

Я подарила ему свою лучшую улыбку туповатой деревенщины.

– Ты меня поймал, Нед, – призналась я. – Полностью признаю свою вину.

В ответ он, словно странное зеркало, отразил мою улыбку. На миг я подумала, что он передразнивает меня, и начала сердиться. Но потом поняла, что он и правда рад, что разгадал меня. Это был мой шанс.

– Нед, – приступила я, – если бы я задала тебе ужасно личный вопрос, ты бы ответил?

Я подождала, пока до него дойдет вопрос. Общение с Недом напоминало телеграфную переписку с едва умеющим читать корреспондентом из Монголии.

– Конечно, я отвечу, – сказал он, и плутоватый блеск в его глазах намекнул мне, каким будет продолжение. – Естественно, я могу не сказать правду.

Мы хорошенько посмеялись, и я перешла к делу. Я начала с тяжелой артиллерии.

– Ты ведь без ума от Офелии, правда?

Нед облизал губы и оттянул пальцем воротник.

– Она очень хорошая девушка, отдаю ей должное.

– Но разве ты не хочешь в один прекрасный день обосноваться вместе с ней в коттедже с соломенной крышей и воспитывать выводок детишек?

К этому моменту по шее Неда поднялась краснота до самых ушей, словно ртуть по термометру. Он стал похож на птицу, надувающую глотку, чтобы привлечь самку. Я решила, что надо ему помочь.

– Просто предположим, что она хотела бы видиться с тобой, но отец не позволяет. Предположим, что тебе могла бы помочь ее младшая сестра.

Краснота начала спадать с его шеи. Я подумала, что он сейчас заплачет.

– Ты на самом деле думаешь так, Флавия?

– Честное слово, – подтвердила я.

Нед протянул свои мозолистые пальцы и пожал мне руку с неожиданной нежностью. Как будто я прикоснулась к ананасу.

– Дружеское рукопожатие, – сказал он, что бы это ни значило.

Дружеское рукопожатие? Мне что, только что продемонстрировали секретное рукопожатие какого-то сельского братства, проводящего встречи на залитых лунным светом церковных погостах и в тайных рощах? Я теперь принята в члены и должна участвовать в ужасных кровавых полуночных ритуалах в тайных местах? Интересная перспектива!

Нед ухмылялся, как череп «Веселого Роджера». Я взяла его за руку.

– Слушай, – сказала я. – Урок номер один: не подкладывай мертвых птиц на крыльцо любимой девушке. Это приличествует только мартовскому коту.

Нед непонимающе взглянул на меня.

– Я оставлял цветы один или два раза, в надежде, что она заметит, – сказал он.

Вот это новость. Должно быть, Офелия уносила букеты к себе в комнату, чтобы повздыхать над ними, до того как кто-то из домочадцев успевал заметить.

– Но мертвые птицы? Ты меня знаешь, Флавия. Я бы не стал этого делать.

Если бы я заранее поразмыслила над этим вопросом, я бы сообразила, что это так и есть. Но зато мой следующий вопрос попал точно в цель.

– А Мэри Стокер знает, что ты вздыхаешь по Офелии? – Эту фразу я услышала в каком-то американском фильме – «Встреть меня в Сент-Луисе» или «Маленькая женщина», и мне первый раз подвернулся случай ее использовать. Как Дафна, я запоминала слова, но не записывала их в бухгалтерские книги.

– Какое Мэри имеет к этому отношение? Она дочь Тулли, и больше ничего.

– Перестань, Нед, – сказала я. – Я видела тот поцелуй утром... когда проходила мимо.

– Ей нужно было утешение. И все.

– Из-за какого-то типа, который подкрался к ней сзади?

Нед вскочил на ноги.

– Черт побери! – воскликнул он. – Она не хочет, чтобы это выплыло наружу.

– Когда она перестилала простыни?

– Ты сам дьявол, Флавия де Люс! – зарычал Нед. – Уходи отсюда! Возвращайся домой!

– Скажи ей, Нед, – слышался тихий голос, я обернулась и увидела Мэри в дверях.

Она стояла, одной рукой опираясь на косяк, а второй сжимая блузку у шеи, как Тэсс д'Эрбервилль[22 - Героиня романа Томаса Харди «Тесс из рода д'Эрбервиллей», жертва несчастного стечения обстоятельств.]. С близкого расстояния я разглядела, что у нее натруженные красные руки и явное косоглазие.

– Скажи ей, – повторила она. – Теперь тебе уже все равно, верно?

Я сразу же поняла, что она меня недолюбливает. Житейский факт – девушка сразу понимает, нравится ли она другой девушке. Фели говорит, что между мужчинами и женщинами поврежденная телефонная связь и мы никогда не знаем, кто повесил трубку. Имея дело с мальчиком, никогда нельзя понять, он стукнул тебя, потому что хотел причинить боль или шутил, но с девочками все становится ясно в первые три секунды. Между девочками происходит бесконечный молчаливый обмен сигналами, словно радиообмен между берегом и кораблями в море, и этот тайный код точек и тире сигнализировал, что Мэри меня терпеть не может.

– Ну же, скажи ей! – крикнула Мэри.

Нед тяжело сглотнул и открыл рот, но у него не вырвалось ни звука.

– Ты Флавия де Люс, не так ли? – обратилась она ко мне. – Одна из девиц Букшоу. – Она бросила мне эти слова, словно торт в лицо.

Я молча кивнула с таким видом, словно я неблагодарное создание из господской усадьбы, которому надо потакать. Лучше подыграть, подумала я.

– Пойдем со мной, – сказала Мэри, поманив меня жестом. – Шевелись побыстрее и сохраняй тишину.

Я проследовала за ней в темную каменную кладовую и затем по прилегающей лестнице, которая винтом поднималась на второй этаж. Наверху мы оказались в месте, которое, должно быть, когда-то служило шкафом для белья: высокий квадратный буфет, теперь заставленный полками со средствами для стирки и уборки, мылом и восками. В углу были беспорядочно свалены метлы и швабры, и кругом царил всепроникающий запах карболки.

– Тсс, – прошептала она, яростно сжимая мою руку. Приближались звуки тяжелых шагов, кто-то поднимался по тем же ступеням, что и мы только что. Мы вжались в угол, стараясь не уронить швабры.

– Это будет чертов день, сэр, когда лошадь Котсуолда возьмет чертов приз! На вашем месте я бы поставил на Морскую Звезду и наплевал на советы, которые вы получили от какого-то чертова засранца из Лондона, который не отличит скакуна от ломовой лошади.

Это был Тулли, делившийся с кем-то конфиденциальной информацией о скачках так громко, что его можно было услышать в Эпсон-Даунс. Другой голос пробормотал что-то заканчивающееся на «как-как», когда звуки их шагов стихли в переплетении обшитых панелями коридоров.

– Нет, сюда, – прошипела Мэри, потянув меня за руку. Мы скользнули за угол в узкий коридорчик. Она извлекла связку ключей из кармана и тихо открыла последнюю дверь слева. Мы вошли внутрь.

Мы очутились в комнате, которая, по видимости, не менялась с тех времен, когда королева Елизавета навестила Бишоп-Лейси в 1592 году во время одного из своих летних переездов. Мне бросились в глаза деревянный потолок, оштукатуренные стены, маленькое окошко со свинцовым стеклом, приоткрытое с целью проветривания, и широкие половицы, вздымавшиеся и опускавшиеся, словно океанская зыбь.

У одной стены стоял потрескавшийся деревянный стол, под одну из ножек которого подсунули «Справочник железных дорог» (выпуска октября 1946 года), чтобы она не шаталась. На столе были два непарных стаффордширских кувшина в розово-кремовых цветах, гребень, щетка и маленькая черная кожаная коробочка. В углу у открытого окна стоял дешевого вида пароходный кофр из прорезиненной фибры, облепленный цветными наклейками. Рядом стояло

простое кресло с недостающим подлокотником. В противоположном конце комнаты располагался деревянный гардероб, выглядевший так, словно его приобрели на благотворительной распродаже подержанных вещей. И кровать.

– Это здесь, – произнесла Мэри. Она заперла дверь на ключ, и я первый раз повернулась к ней, чтобы получше рассмотреть ее. В грязно-сером свете из покрытого копотью окна она казалась старше, чем та девушка с натруженными руками, которую я только что видела при ярком свете дня во дворе.

– Полагаю, ты никогда не была в такой маленькой комнате, не так ли? – презрительно сказала она. – Вы там, из Букшоу, редко посещаете бедлам, да? Посмотри на психов – посмотри, как мы живем в наших каморках. Кинь нам печенье.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответила я.

Мэри повернула лицо ко мне, и я ощутила на себе пронзительность ее взгляда.

– Эта твоя сестрица – Офелия – прислала тебя с письмом для Неда, и не говори мне, что нет. Она воображает, что я неряха, но это не так.

В этот самый миг я пришла к выводу, что мне нравится Мэри, пусть она даже недолюбливает меня. Человек, знающий слово «неряха», стоит того, чтобы попытаться сделать его своим другом.

– Послушай, – заявила я, – никакого письма нет. То, что я сказала Неду, – просто прикрытие. Ты должна помочь мне, Мэри, я знаю, что ты это сделаешь. В Букшоу произошло убийство...

Вот! Я произнесла это!

– ... и никто еще не знает об этом, кроме тебя и меня – ну и убийцы, естественно.

Она смотрела на меня секунды три, не больше, и потом спросила:

– Кто же убит?

– Я не знаю. Вот почему я здесь. Но мне кажется разумным, что, если кто-то умирает у нас на грядке с огурцами и даже полиция не может установить личность, самое вероятное место в окрестностях, где он мог остановиться – если он останавливался в окрестностях, – это «Тринадцать селезней». Ты можешь принести мне учетную книгу?

– Не обязательно приносить ее, – ответила Мэри. – Сейчас у нас только один постоялец, и это мистер Сандерс.

Чем больше я разговаривала с Мэри, тем больше она мне нравилась.

– И это его номер, – любезно добавила она.

– Откуда он? – спросила я.

Ее лицо омрачилось.

– Честно говоря, не знаю.

– Он тут прежде останавливался?

– Насколько я знаю, нет.

– Тогда мне надо взглянуть на учетную книгу. Пожалуйста, Мэри! Пожалуйста! Это очень важно! Полиция скоро будет здесь, и тогда будет уже слишком поздно.

– Я попытаюсь... – сказала она и, отперев дверь, выскользнула из номера.

Как только она ушла, я распахнула дверь шкафа. Если не считать пары деревянных вешалок для одежды, он был пуст, и я обратила внимание на кофр, облепленный наклейками, как днище корабля раковинами. Эти разноцветные прилипалы имели имена – Париж, Рим, Стокгольм, Амстердам, Копенгаген, Ставангер и так далее.

Я подергала замок, и, к моему изумлению, он подался. Чемодан был открыт! Две половины легко распахнулись, и я обнаружила себя лицом к лицу с гардеробом

мистера Сандерса – серый саржевый костюм, две рубашки, пара коричневых оксфордов[23 - Мужские туфли на шнурках.] (с серой саржей? даже я не настолько глупа!) и мягкая театральная шляпа, напомнившая мне виденные фотографии Г. К. Честертона в «Радио Таймс».

Я вытащила из кофра ящики, стараясь не потревожить их содержимого, – пара волосяных щеток (подделка под черепаховый панцирь), бритва (самозатачивающийся «Валет»), тубик для бритья («Морнинг прайд Брашлесс»), зубная щетка, зубная паста («Тимол» – особенно рекомендуется для уничтожения бактерий, вызывающих кариес), щипчики для ногтей, расческа (пластик) и пара квадратных запонок (черный янтарь из Уитби, серебром выложены инициалы – Г. Б.).

Г. Б.? Разве это не номер мистера Сандерса? Что может означать это Г. Б.?

Дверь открылась, и мне прошипели:

– Что ты делаешь?

Я вздрогнула. Это была Мэри.

– Я не смогла достать учетную книгу. Папа... Флавия! Ты не можешь так просто рыться в багаже постояльца! Ты навлечешь на нас неприятности. Прекрати.

– Сейчас, – ответила я, заканчивая рыться в карманах костюма. В любом случае они были пусты. – Когда ты в последний раз видела мистера Сандерса?

– Вчера. Здесь. В полдень.

– Здесь? В этом номере?

Она сглотнула и кивнула, отведя взгляд в сторону.

– Я меняла простыни, когда он подошел сзади и схватил меня. Зажал рукой рот, чтобы я не могла крикнуть. К счастью, в этот момент папа позвал меня со двора. Это его чутко испугало, да. Не думай, что я не пыталась отбиться. Ненавижу его грязные лапищи! Я бы выцарапала ему глаза, если бы у меня было хотя бы

полшанса.

Она посмотрела на меня с таким видом, будто сказала мне слишком много, как будто между нами внезапно раскрылась огромная социальная пропасть.

– Я бы выцарапала ему глаза и высосала глазницы, – произнесла я.

Ее глаза расширились от страха.

– Джон Марстон, – сказала я, – «Голландская куртизанка», 1605 год.

Повисла пауза длиной примерно в две сотни лет. Потом Мэри начала хихикать.

– Да-а, ну ты и штучка! – сказала она.

Через пропасть был переброшен мост.

– Действие второе, – уточнила я.

Через несколько секунд мы обе согнулись от смеха пополам, прикрывая рты руками, прыгая по комнате и фыркая в унисон, словно пара дрессированных тюленей.

– Фели как-то читала нам ее вслух под одеялом, подсвечивая фонариком, – сказала я, и почему-то эта деталь рассмешила нас еще больше, и мы хохотали, пока не обессилели от смеха.

Мэри обняла меня и сжала изо всех сил.

– Ты чудо, Флавия, – объявила она. – Честное слово. Пойдем сюда – взгляни на это.

Она подошла к столу, взяла черную кожаную коробочку, расстегнула ремень и подняла крышку. Внутри угнездились в два ряда по шесть маленькие стеклянные флакончики, всего двенадцать. Одиннадцать из них были наполнены жидкостью желтоватого оттенка, двенадцатый на три четверти был

пуст. Между рядами флакончиков оставалась полукруглая выемка, как будто не хватало какого-то трубчатого предмета.

– Как ты думаешь, что это? – прошептала она, в то время как голос Тулли гремел где-то в отдалении. – Думаешь, это яды? Очередной доктор Криппен[24 - Доктор Харви Криппен (1862–1910) – американский врач, ставший фигурантом в одном из самых громких криминалистических дел XX века; обвинен в убийстве жены.], этот наш мистер Сандерс?

Я открыла начатый флакончик и поднесла его к носу. Пахло так, словно кто-то капнул уксусом на липкий пластырь, – острый белковый запах, как будто в соседней комнате жгли волосы алкоголика.

– Инсулин, – определила я. – Он диабетик.

Мэри ошеломленно посмотрела на меня, и я вдруг поняла, как чувствовал себя Архимед, когда сказал в ванной: «Эврика!» Я схватила Мэри за руку.

– Мистер Сандерс рыжий? – требовательно спросила я.

– Рыжий, как кленовый лист. Откуда ты знаешь?

Она уставилась на меня, как будто я была мадам Золандой на церковном празднике, в тюрбане, шали и с хрустальным шаром.

– Волшебная догадка, – сказала я.

8

– Боже мой! – воскликнула Мэри, ныряя под стол и выуживая оттуда круглую металлическую корзину для мусора. – Чуть не забыла! Папа бы убил меня, если бы обнаружил, что я не вынесла мусор. Он страшно озабочен микробами, мой отец, хотя при взгляде на него так не подумаешь. Слава богу, я вспомнила! Фу-у! Ты только посмотри на эту грязь!

Она скривила лицо и вытянула руку с корзиной. Я с осторожным любопытством глянула внутрь. Никогда не знаешь, на что наткнешься, суя нос в мусор других людей.

Дно корзины было усыпано кусочками и хлопьями выпечки – никакого пакета, просто остатки еды, как будто кто-то ел и не смог доест. Похоже на остатки торта. Когда я сунула руку в корзину и достала кусочек, Мэри брезгливо отвернулась.

– Посмотри сюда, – сказала я. – Это корочка пирога, да? Золотисто-коричневая, из духовки, маленькие трещинки с одной стороны, словно рисунок. А вот другие кусочки, они изнутри – белее и нежнее. И не такие ломкие, верно? Кстати, – добавила я, – я умираю от голода. Когда ты целый день не ел, все что угодно покажется вкусным.

Я поднесла кусок ко рту, сделав вид, что собираюсь его жадно проглотить.

– Флавия!

Моя рука с хрустящей ношей замерла на полпути к полуоткрытому рту.

– Мм?

– А ну брось это, – потребовала Мэри. – Я выброшу мусор.

Что-то подсказало мне, что этого делать не стоит. Что-то еще подсказало мне, что надкушенный пирог – это улика, которую следует оставить в неприкосновенности до прихода инспектора Хьюитта и двух сержантов. Я на самом деле думала так секунду или две.

– У тебя найдется лист бумаги? – спросила я.

Мэри покачала головой. Я открыла шкаф и, поднявшись на цыпочки, пошарила рукой на верхней полке. Как я и предполагала, между полкой и стенкой был воткнут свернутый клочок газеты, чтобы полка не шаталась. Благослови тебя Бог, Тулли Стокер!

Стараясь не повредить, я осторожно выложила остатки пирога на «Дейли миррор» и свернула газету в аккуратный пакетик. Мэри стояла и нервно смотрела на меня, не говоря ни слова.

– Лабораторный тест, – мрачно пояснила я. Сказать по правде, я понятия не имела, что делать с этими отвратительными объедками. Я подумаю об этом позже, но сейчас мне надо показать Мэри, кто контролирует ситуацию.

Поставив корзину для мусора на пол, я внезапно заметила какое-то шевеление внутри, и должна признаться, что сердце у меня ушло в пятки. Что там такое? Червяки? Крыса? Не может быть – их бы я заметила.

Я осторожно всмотрелась в корзину, и да, действительно, на дне что-то шелохнулось. Перышко! Оно легко, едва заметно колыхалось из-за движения воздуха в комнате, покачиваясь, словно мертвый лист на дереве, – точно так же, как рыжие волосы незнакомца шевелились от утреннего ветерка.

Неужели он умер только сегодня утром? Казалось, с момента неприятности в огороде прошла целая вечность. Неприятности? Ничего себе, неприятность!

Мэри с ужасом смотрела, как я полезла в корзину и достала перышко и кусочек пирога, наколотый на него.

– Видишь? – сказала я, протягивая ей находку. Она отшатнулась, как, должно быть, Дракула отшатывался при виде креста. – Если бы перо упало на остатки пирога в корзине, оно бы не воткнулось в них. «Двадцать четыре черных дрозда запекли в пирог», – процитировала я детскую песенку. – Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Если на корочке торта сладость, кого волнует сердцевина?» Уильям Кинг, «Искусство кулинарии». (англ.)

2

«Споуд» – марка английского фарфора, по имени основателя фирмы Дж. Споуда.

3

«Гомонт» – сеть английских кинотеатров.

4

Песенка Золушки из диснеевского мультфильма.

5

«Уитабикс» – фирменное название пшеничных батончиков из спрессованных хлопьев; подаются к завтраку с молоком и сахаром.

6

А. А. Милн – английский писатель, автор историй о Винни Пухе.

7

Марш – английский химик, разработавший тест для определения наличия мышьяка.

8

Гораций Уолпол (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра романов ужаса и тайн, так называемого готического романа.

9

«Хиллман» – марка английских автомобилей, существовавшая до 1976 года.

10

Ивовый узор – традиционный синий рисунок на белом фарфоре с изображением птиц, стилизованных фигур китайцев под ивами или на мосту; создан английским гончаром Томасом Тернером в 1780 г.

11

Это цитата из «Жизни и приключений Николаса Никльби» Ч. Диккенса.

12

Буквальный перевод английского термина – arsenic flowers, название мышьяка.

13

Веллингтоны – высокие сапоги (по имени графа Веллингтона, который ввел эту модель сапог в начале XIX в.)

14

Гуано – разложившиеся естественным образом остатки помета морских птиц и летучих мышей.

15

Невилл Чемберлен – представитель династии Чемберленов, из которой вышел ряд британских политиков, государственный деятель, лидер консервативной партии, премьер-министр в 1937–1940 гг.

16

Хлороз – разновидность малокровия.

17

Голландская дверь – дверь, разделенная на верхнюю и нижнюю половины, каждая из которых может открываться и закрываться отдельно.

18

Римский салют – приветственный жест, когда руку вытягивают прямо вперед, ладонью вниз, пальцы сжаты. Как вариант рука может быть под углом. Это приветствие приписывается древним римлянам, хотя фактического подтверждения этому нет.

19

Vale – лат. прощайте, от глагола valeo.

20

Роббер – карточная игра.

21

Полковник Роберт Баден-Пауэлл – основатель скаутского движения. В 1907 году организовал первый лагерь на острове Браунси (Великобритания), а в 1908 году издал всемирно известную книгу Scouting for boys.

22

Героиня романа Томаса Харди «Тесс из рода д'Эрбервиллей», жертва несчастного стечения обстоятельств.

23

Мужские туфли на шнурках.

24

Доктор Харви Кrippen (1862–1910) – американский врач, ставший фигурантом в одном из самых громких криминалистических дел XX века; обвинен в убийстве жены.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alan-bredli/sladost-na-korochke-piroga-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)